

**Проблемы семантической реконструкции
терминов родства в алтайских языках
и перспективы реконструкции
общеалтайской системы терминов родства**

**Опубликовано в кн.: Алгебра родства. Вып. 7. СПб., Кунсткамера, 2001.
№. 136-172.**

Постановка проблемы. Сравнения слов, входящих в СТР тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, уходят своими корнями в XIX век и представляют собой в историко-лингвистической перспективе столь же старое явление, сколь старыми являются представления о родстве названных выше языковых групп в рамках единой алтайской языковой семьи. Однако две эти проблемы имеют разный научный статус, что в конечном счете обуславливает разницу в подходах к ним, различные объемы материала, привлекаемого к исследованию, и соответственно разные научные задачи изучения конкретного языкового материала.

Тезис о родственных связях языков алтайской семьи, к которым в XX веке были добавлены корейский и японский языки, имеет в качестве своего антитезиса постулат о контактном характере сходств между тунгусо-маньчжурскими, монгольскими и тюркскими языками и полная неясность генетических связей японского и корейского языков. Однако здесь справедливости ради следует заметить, что эти два положения не ни в коей мере не отменяют друг друга, поскольку наличие разновременных ареальных связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, а также монголо-корейских и корейско-японских связей никогда не бралось под сомнение и не оспаривалось сторонниками генетического родства алтайских языков — более того, дальнейшие исследования этой проблемы обещают новые интересные результаты. Что же касается конкретного лексического материала, который служит средством обоснования тех или иных представлений о взаимоотношениях алтайских языков, то этот материал не может быть уложен в ответы “да” (то есть лексические сходства отражают генетическое родство языков) и “нет” (лексические сходства представляют результат заимствований). Здесь всегда возникает масса точек зрения относительно сравнений конкретных слов, обсуждается убедительность или неубедительность высказанных мнений, правомерность или неправомерность самих сравнений слов, обсуждается и самый объем лексического материала, который считается необходимым и достаточным для обоснования родства или неродства языков и языковых групп. Здесь, пожалуй, ясно одно: между утверждением о генетическом родстве алтайских языков и постулатом об отсутствии такового компромисса нет и быть не может. Трактовка алтайской общности как “лингвистической непрерывности”, которая предлагается в качестве компромисса в спорах о родстве алтайских языков [9, с. 92], может считаться только лишь данью истории отечественного языкознания и этнологии.

В отношении слов, входящих в СТР, к числу названных предметов обсуждения почти всегда добавляется проблема происхождения ТР вообще, проблема

причины сходств ТР в разных языках мира и соответственно степень доказательности сходств внутри СТР для утверждений о родственных связях языков. И здесь, что немаловажно, сторонники и противники генетических связей алтайских языков подчас занимают совершенно разные позиции в чисто теоретических взглядах на происхождение ТР и место ТР в лексической системе языка.

На наш взгляд, вовсе не случайно теория лепетного происхождения ТР имеет своих приверженцев именно среди противников родства алтайских языков, ибо видимое “невооруженным глазом” массовое сходство ТР, многие из которых занимают функционально наиболее важные позиции в СТР, едва ли может объясняться как следствие заимствований. В данном случае взгляд на ТР как на “лепетные слова” (Lallworter) служит средством уменьшения надежных лексических параллелей, которые могут аргументировать генетические связи языков. Однако, как кажется, и сами сторонники генетического родства алтайских языков далеко не до конца разобрались с проблемой лексических сходств в рамках тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской СТР. Традиционно в исследованиях, посвященных сравнительному изучению ТР в алтайских языках, объектом внимания были те или иные отдельные слова, которые демонстрируют общность отдельных групп алтайских языков между собой, или связывают друг с другом отдельные группы алтайских языков. К этому типу относятся работы Л.А.Покровской по тюркским ТР, работы Ц.-Д.Номинханова по монгольским ТР, охватывающим также и материалы тюркских языков [14; 15], а также публикации В.И.Цинциус, посвященные ТР в языках алтайской семьи и некоторым другим языкам Северо-Востока Азии. В этих публикациях приведено большое количество фактического материала по ТР отдельных языков. Стоит отметить в качестве ориентира на будущее, что в трудах Ц.-Д.Номинханова представлено довольно много взаимных заимствований в составе тюркских и монгольских ТР, в работах Л.А.Покровской и Э.В.Севортяна содержится большое количество ТР, которые могут рассматриваться как принадлежащие общему лексическому фонду этих языков, а в работах В.И.Цинциус даже представлены опыты реконструкции общеалтайских праформ, или архетипов отдельных ТР. Тем не менее в исследованиях наших предшественников не предпринималось попыток реконструкции *системы* общеалтайских ТР, которая была бы соотносима с какой-либо из известных СР, или попыток характеристики общеалтайской СТР и СТР отдельных групп алтайских языков, объединение ТР по гнездам, возводимым к единым корням, базировались на внешнем сходстве, а предположения о заимствовании ТР из одной группы языков в другую также основывалось на формальной схожести ТР и частичном совпадении значений. К этому можно добавить и то, что даже опыты групповой реконструкции частных СТР, а именно тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских СТР среди сравнительно-исторических исследований по названным группам языков до настоящего времени отсутствуют.

Предлагаемая вниманию читателей работа вызвана в какой-то мере восполнить данный пробел в исследованиях ТР алтайских языков (что, однако, не снимает с повестки дня задачи систематических групповых реконструкций тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской СТР с привлечением исчерпывающего количества фактического материала), а также наметить некоторые новые подходы к лингвистическим и этнолингвистическим реконструкциям СТР в целом.

Методика исследования. Автор настоящей работы обозначил свою позицию в общем подходе к языковому материалу ТР как убежденный противник теории “лепетной лексики” и смог найти новые аргументы, существенно подрывающие основы этой теории [1; 3]. Поэтому вполне естественно, что принципы оперирования ТР в языковой диахронии при данном подходе не будут ни в коей мере отличаться от оснований сравнительно-исторического языкознания, которое, как давно известно, не знает таких особых приемов или методов, которые годились бы для одной языковой семьи и были бы неприменимы для другой языковой семьи, ни таких языковых семей, которые требовали бы принципиального модифицирования формального аппарата компаративистической теории или применения специфических методов изучения их истории. По правде говоря, и специфика ТР как лингвистического материала не столь уж в значительной степени обуславливает специализацию применяемых приемов реконструкции (очевидно, тут и сами приемы могут совершенствоваться и вновь вырабатываться), а полученные на различном материале результаты реконструкций СТР в целом укладываются в представления о таких научных направлениях, как классическая “лингвистическая палеонтология” или, если выразиться современным языком, историческая этнолингвистика. При этом пределом для реконструкции ТР как лексических единиц и СТР как совокупности лексических единиц, соотносительной с некоей социальной реальностью, известной по этнографическим данным или типологически возможной, будет являться тот предел, для которого считаются достоверными результаты процедур сравнительно-исторического языкознания вообще. На наших глазах этот предел отодвигается в отдаленное прошлое — от сравнительно-исторического изучения отдельных языковых семей Евразии до ностратической и синокавказской языковых макросемей и от ностратического состояния к обсуждению проблемы более древних родственных связей ностратической макросемьи. Здесь можно соглашаться или не соглашаться с самыми гипотезами или отдельными лексическими реконструкциями, можно, и, видимо, нужно обсуждать специфику методов, полезных и эффективных для реконструкций второго и третьего порядков, то есть реконструкций, оперирующих понятиями отдаленного родства — но нельзя отрицать одного: неизбежной реальности прогресса в сравнительно-историческом языкознании и возможности совершенствования системы исследовательских приемов, применяемых компаративистами. И здесь нельзя исключать той возможности, что те ТР, сходство которых ранее рассматривалось сквозь темные очки теории “лепетной лексики”, могут отражать древние родственные связи, или, что будет не менее значимым — древние этнокультурные контакты, если в рамках новой фонетической реконструкции откроется возможность обосновать факты заимствования тех или иных ТР из одной семьи в другую, отделив их от тех фактов, которые обосновывают родственные связи этих семей.

Автор полностью согласен с Г.В.Дзибелем в том, что реконструкция СТР должна осуществляться в два этапа: первым этапом исследования в этой области является *ареально-типологическая реконструкция*, вторым этапом — *этимологическая реконструкция*. [11, с.11]. Если следовать этому противопоставлению применительно к материалу алтайских языков, то в задачи ареально-типологической реконструкции входит реконструкция тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской СТР по отдельности (а возможно, и некоторых частных СТР — например, огузской, кыпчакской, северотунгусской,

южнотунгусской, древнеманьчжурской и т.п.), а в задачи этимологической реконструкции входит воссоздание общеалтайской СТР, осуществляемое на основе групповых реконструкций. С точки зрения общей теории сравнительно-исторического языкознания все должно обстоять именно так.

Однако здесь есть одна особенность, которая напрямую касается выбора материала для реконструкций второго порядка — реконструкций на уровне языковых семей (и в особенности макросемей) в отличие от реконструкций отдельных языковых групп, и которая далеко не всегда учитывается в теории и почти всегда игнорируется в дидактическом теоретизировании на компаративистические темы, хотя уже давно принимается во внимание в индоевропейской этимологии. Дело в том, что сохраняемость лексического материала по отдельным группам родственных языков не является равномерной. В групповой реконструкции, или реконструкции первого порядка, к групповому праязыку относится весь массив лексики, который засвидетельствован во всех языках данной группы или в большинстве языков данной группы, или по крайней мере во всех ее ветвях — то есть к общему тунгусо-маньчжурскому лексическому фонду будет отнесена вся лексика, которая встречается во всех тунгусо-маньчжурских языках, а также лексика, которая с достаточной репрезентативностью засвидетельствована в языках севернотунгусской группы (эвенкийском, эвенском, негидальском, солонском), в языках южнотунгусской группы (орочском, удэгейском, ульчском, орокском, нанайском) и в маньчжурском языке. В принципе с большой надежностью к общетунгусо-маньчжурскому лексическому фонду можно относить и ту лексику, которая отмечена в севернотунгусских языках и в маньчжурском языке, так как данные сходства заведомо не носят контактного характера. Однако если какие-то слова фиксируются только в южнотунгусских языках и в маньчжурском языке, то возведение таких слов к общетунгусо-маньчжурскому праязыку уже может быть спорным, так как маньчжурский язык оказал заметное влияние на языки южнотунгусской группы, и в подобных случаях есть вероятность того, что такие слова были заимствованы из маньчжурского языка. В этом плане интересно то, что А.М.Щербак совершенно корректно с точки зрения взятых порознь сравнительной тюркологии и сравнительной монголистики реконструирует фрагменты тюркской и монгольской СТР [33, с. 35-40], но при этом приводит совпадающие в тюркских и монгольских языках ТР в минимальном объеме, ограничиваясь ссылками на работы Ц.-Д.Номинханова и Л.А.Покровской. При таком подходе к материалу не учитываются два факта: 1) то, что общетюркские и общемонгольские праформы не обязательно должны совпадать друг с другом; 2) то, что общеалтайская лексика не обязательно должна сохраняться во всех без исключения тюркских языках или быть привилегией древних текстов — общеалтайские корневые элементы в тюркских языках могут быть поглощены собственно тюркскими инновациями (при этом семанические инновации чрезвычайно трудно распознаются), могут сохраняться лишь в отдельных тюркских языках или по каким-то случайным причинам могут не присутствовать в лексическом составе старейших текстов на тюркских языках. Вполне можно согласиться с общим выводом А.М.Щербака о том, что в составе ТР заимствования из тюркских языков в монгольские в период VIII-XIV веков отсутствуют или представлены минимумом спорных примеров [33, с. 38-39], что не мешает иначе интерпретировать рассматриваемый им материал или материал, оставшийся вне рамок указанной работы этого автора. Говоря о методической

стороне вопроса, здесь стоит обратить внимание на такое обстоятельство: те лингвисты, кто обосновывает родство алтайских языков, уже на протяжении почти столетия стараются максимально расширить общий привлекаемого материала (и это абсолютно логично и в высшей степени полезно для исследования как общих, так и частных проблем), в то же время те, кто опровергает гипотезы о родстве каких-то языков, стремятся к тому, чтобы свести обсуждаемый объем материала к минимуму до каких либо Grundwörter или Kerngrundwörter подчас числом менее двух десятков — однако с такими исследовательскими приемами легко “опровергнуть” родство любых двух групп индоевропейских языков между собой, во что, естественно, никто уж не поверит.

Некоторые специальные приемы реконструкции СТР. ТР как лексический материал, хотя и требуют применения того же формального аппарата для лингвистических реконструкций, что и все другие группы лексики, все же имеют ряд особенностей в семантике и в особенности — в отражаемой ими внеязыковой реальности, и эти особенности позволяют пользоваться при исследовании родственных связей языков некоторыми специальными приемами, которые выработаны на основе свойств ТР конкретных живых языков. Одна из таких особенностей, многократно обсуждавшаяся в лингвистических статьях о ТР — это многозначность ТР. При этом многозначность ТР ведет себя парадоксально, поскольку в исторической ретроспективе она не снимается, как в других группах лексики, а, наоборот, разрастается и становится неотъемлемой частью восстанавливаемых классификационных СР. Эта особенность ТР в исторической перспективе позволяет сформулировать следующий постулат: **(1) если ТР в двух или нескольких языках или языковых группах, не совпадают по своим значениям, то на уровне праязыка значение ТР восстанавливается как сумма значений ТР по отдельным языкам.** Этот постулат особенно хорошо срабатывает при реконструкции значений ТР, которые имеют сравнительно небольшие семантические различия по отдельным языкам.

Множественность номинаций одних и тех же субъектов, соотносительная с множественностью и разнотипностью родственных связей и разной степенью биологического родства, в частности пересечением кровнородственных связей и связей по браку позволяет сформулировать постулат: **(2) если одно и то же слово в неизменном виде представлено среди терминов кровного родства и среди терминов свойства, то такие признаки значений ТР являются отражением особенностей брачных связей, обуславливающих именно такие типы множественной номинации одних и тех же индивидуумов; при этом более архаическим значением считаются значения, относящиеся к кровному родству.** Возможность определения относительной хронологии значений ТР при изучении их словообразовательной структуры позволяет сформулировать следующий постулат: **(3) при наличии в системе терминов родства лексических единиц, образованных от одного корня, значения морфологически непрямых слов первичны по отношению к морфологически производным словам, но значения корней в производных словах могут быть архаичнее, чем значения соотносительных с ними непрямых слов.**

Соотносительность социальных отношений, выражаемых в СТР, и отношений перекрестных номинаций отдельных индивидуумов внутри социума, как

известно, не является обязательной. Поэтому одним из частных случаев реконструкции семантики ТР при несовпадении их значений по отдельным языкам и языковым группам является реконструкция ТР в качестве взаимных терминов. Эта возможность, выводимая из разнообразных реальных СТР, позволяет сформулировать еще один постулат: **(4) если разные значения одного и того же ТР по отдельным языкам не дают оснований объединять их в рамках значения одной и той же лексической единицы, данный ТР реконструируется как взаимный термин.** В принципе данный постулат является разновидностью первого постулата, поскольку степень дивергенции семантики ТР есть количественное, а не качественное явление. Однако введение понятия взаимности, которое в лексике любого языка свойственно отдельным компонентам ТР и не свойственно другим лексическим единицам (разумеется, здесь не идет в счет оценочная и оскорбительная лексика!), как прием реконструкции значений, учитывающий объективные свойства ТР как особой лексической микросистемы, должно получить специальную экспликацию. Обратим внимание, что реконструкция какого-либо ТР как взаимного термина является не столько семантической реконструкцией данного ТР, сколько реконструкцией норм употребления ТР, соотносимой с определенным социумом.

Поясним сказанное одним любопытным примером. Эвенское слово *ма:та:к* — ‘зять, муж дочери, муж младшей сестры’ соответствует эвенк. *мата* — ‘чужеродец, гость, сосед’, эвен. *ма:та:* — ‘чужой, незнакомый, пришелец’ [29, т.1, с. 533а]. По форме это слово совпадает с чукотским *матальын* — ‘тесть, свекор’, и и, скорее всего, является в тунгусо-маньчжурских языках заимствованием из чукотско-камчатских языков.. При этом значения “зять” и “тесть” или “свекор” могут быть объединены в рамках одного слова только в том случае, если признать данный термин взаимным — о чем, собственно, нетрудно догадаться, поскольку зять и тесть (а для Эж невестка и свекор) как раз и являются друг для друга соседями, чужеродцами или гостями.

Состояние изученности материала. Исходный лексический материал, а именно СТР тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских народов рассмотрен в литературе и описан в весьма разной степени как в аспекте характеристики СТР по отдельным языкам, так и в аспекте групповых реконструкций. Пожалуй, наилучшим образом изучены ТР тунгусо-маньчжурских народов, хотя их историческая интерпретация, предложенная в работах С.М.Широкогорова и В.И.Цинциус, на сегодняшний день может рассматриваться как серьезно устаревшая. Тем не менее относительно близкое родство тунгусо-маньчжурских языков и значительное сходство СТР отдельных тунгусо-маньчжурских народов позволяют довольно легко преодолеть трудности групповой реконструкции тунгусо-маньчжурских ТР. Синхронное описание СТР отдельных народов тунгусо-маньчжурской группы дано в специальных статьях [2; 7; 10; 18].

Монгольские ТР также достаточно хорошо изучены и в синхронном, и в сравнительно-историческом аспектах. В специальной литературе наиболее полное освещение получила СТР калмыков [16], однако СТР монголов и бурят почти не показывают отличий от той СТР, которая представлена в калмыцком языке на всех стадиях его существования. В равной мере тот репертуар ТР, который зафиксирован в письменном монгольском языке, достаточно хорошо соотносится и с СТР современных халха-монголов, и с СТР других монгольских народов.

Специфические особенности отдельных СТР монгольских народов оказываются минимальными и не играют большой роли даже в общемонгольской реконструкции ТР.

Наиболее сложной задачей в групповых реконструкциях ТР алтайских народов является реконструкция общетюркской СТР. Эта задача осложнена большим количеством тюркских языков (до 40 языков и множество диалектов), а также большим объемом материала по истории тюркских языков, представленного различными письменными текстами начиная с VII в. н.э. Собственно говоря, все СТР тюркских народов на сегодняшний день еще не получили описания. Тем не менее в имеющейся литературе получили достаточно подробную характеристику СТР отдельных народов, представляющих разные группы тюркских языков, а в “Этимологическом словаре тюркских языков” Э.В.Севортына приведен исчерпывающий по полноте материал по семантике конкретных ТР в отдельных тюркских языках, который если и не позволяет осуществить семантическую реконструкцию ТР для общетюркского состояния, то во всяком случае дает возможность ориентироваться в системе значений ТР и отграничивать архаические значения от инноваций, свойственных позднейшим состояниям или отдельным тюркским языкам. Стоит указать на то, что автор данного словаря не только дает сводку лексических материалов по тюркским языкам, но также приводит известные параллели к тюркским ТР из монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского языков, основываясь на имеющейся литературе или предлагая свои собственные сближения.

Реконструкции общеалтайских ТР.

1. т.-ма. **eti-*, мо. *ecige*, тюрк. *eci*.

Возрастные наименования и ТР с корнем * *eti-*, имеющие разные словообразовательные суффиксы и разные значения представлены в тунгусо-маньчжурских языках следующими примерами: эвенк. *этиркэ:н* — ‘старик’, сол. *эсхэ* — ‘дядя по отцу’ (<ма. или мо.), эвен. *этикэ:н* — ‘старик’, *этки* — ‘тесть, свекор’, *этэ:* — ‘дед’, нег. *этки* — ‘тесть, свекор, деверь — старший брат мужа, шурин — старший брат жены, старший брат родителей мужа, жены’, уд. *экчэ* — ‘брат троюродный’, нан. *эксэ(н)* — ‘дядя — младший брат отца’, ма. *эсхэн, эчигэ, эчикэ* — ‘дядя — младший брат отца’ [29, т. 2, с. 469а]. Видимо, к этому же корню надо отнести ма. *эшэ* — ‘деверь — младший брат мужа’ [29, т.2, с.471а].

Расхождения в значениях этого слова устраняются довольно легко. Значение “дед” в эвенском языке и значения “старик”, очевидно, не являются исходными для данного слова, поскольку использование данного корня в терминах свойства указывает на исходный семантический признак + 1, а не +2 поколения, который поддерживается, кроме значения “дед”, встретившегося только в диалектах эвенского языка, также наименованием старших сиблингов супруга/супруги в негидальском — однако с этим расходятся факты нанайского и маньчжурского языков. Совмещение значений “брат отца” и “тесть, свекор” в одном термине легко объясняется: при кросс-кузенном браке или сорорате “дядя” неизбежно оказывается “тестем” для Эм и “свекром” для Эж.

Монгольские языки демонстрируют единообразное значение слов, образованных от данного корня: ср. п.-мо. *ecige*, монг. *эцэг*, бур. *эсэгэ*, калм. *эцке* — ‘отец’. Как известно, согласный [с] в монгольских языках перед гласным [i] чаще всего восходит к [*t], что в данном случае подтверждается данными тунгусо-маньчжурских и частично тюркских языков.

В тюркских языках этот корень засвидетельствован в ограниченном числе примеров: ср. др.-тюрк. *esi* — ‘старший брат, дядя’, якут. *эсэ, эһэ* — ‘дед’. Возможно, что причиной ограниченного распространения слов с этим корнем в тюркских языках стало расщепление корня на два сингармонических варианта с разными значениями: ср. др.-тюрк. *ati* — ‘внук’, сравниваемое с п.-мо. *aci* — ‘племянник, внук’ (по мужской линии) [24, с.79].

Тунгусо-маньчжурские языки также сохраняют два сингармонических варианта корня **eti-/ati-*: ср. эвенк. *ами* старуха, жена, *атки* теща, свекровь, эвен. *ата* — ‘бабушка, *атки* — ‘теща, свекровь, нег. *атки:* — ‘теща, свекровь, ороч. *атан”а* — ‘теща, свекровь, свояченица, старшая сестра жены, жена старшего брата жены, тетка старшая сестра матери, жена старшего брата матери’, уд. *ат’а буйи, ат’а мафа* — ‘медведица’, *атига* женщина, жена’, орок. *ами:* — ‘свекровь, теща, старшая сестра жены’, ма. *ату* — ‘самка рыб [29, т. 1, с. 58a]. Однако в этих языках, в отличие от монгольских и тюркских языков, от данного корня не образуются наименования потомков. Таким образом, парные сингармонические варианты одного и того же корня, от которого образуются ТР, выражают не только различия по полу (как в данном случае в тунгусо-маньчжурских языках) но и различия по возрастному классу, отстоящему от эго на одну или две ступени по восходящей или по нисходящей линии (“дядя/племянник”, “дед/внук”). Вполне возможно, что корни *эти/ами*, как и другие парные сингармонические варианты корней или основ ТР в алтайских языках не являются реликтами, восходящими к неопределенной древности, и могут представлять собой позднейшие инновации, на что, в частности, указывают факты маньчжурского языка (см. ниже).

2. Т.-ма. **ami-*, мо. **abu*, тюрк. **aba*.

В тунгусо-маньчжурских языках ТР, образованные от корня **ami-*, составляют следующий ряд примеров: эвенк. *амин* — ‘отец’, *ами:ра:н* — ‘отчим’, сол. *ама* — ‘отец’, эвен. *аман* — ‘отец’, *амрани* — ‘отчим’, нег. *амин* — ‘отец’, *амийан* — ‘отчим’, ороч. *амин* — ‘отец’, уд. *амин* — ‘отец’, ульч. *амин* — ‘отец’, *амха* — ‘тесть’, орок. *амин* — ‘отец’, *амира:(н)* — ‘отчим, прадед’, нан. *амин* — ‘отец’, *амха, амаха, ан”на* — ‘свекор, деверь — старший брат мужа, тесть, шурин — старший брат жены’, ма. *ама* — ‘отец’, *амака* — ‘свекор’, *амха* — ‘тесть’ [29, т. 1, с. 346-25a].

Видимо, от этого же корня образованы и следующие маньчжурские ТР, не имеющие соответствий в тунгусских языках: ма. *амбу* — ‘тетка — старшая сестра матери’, *амбума* — ‘муж старшей сестры матери’, *амзи* — ‘дядя — старший брат отца’, *аму* — ‘невестка, жена старшего брата’ [29, т. 1, с.376].

Состав значений ТР с данным корнем в тунгусо-маньчжурских языках мало отличается от ТР, образованных от корня **eti-*, с той лишь разницей, что среди слов с корнем **ami-* нет названий потомков, нет названий родственников +2 поколения и нет чисто возрастных наименований лиц типа “старик/старуха”. Таким образом, возрастной диапазон тунгусо-маньчжурских ТР, содержащих данный корень, несколько уже, чем возрастной диапазон ТР с корнем **eti-/ati-*.

В монгольских языках корень **abu* представлен в п.-мо. *abu* — ‘отец, дед’, а также в мо. *ᠪᠦᠭᠦᠨ ᠠᠭᠠᠪ* — ‘дед’, бур. *хҮгшэн аба* — ‘дед по отцу’, *нагаса аба* — ‘дед по матери’, калм. *наһыцы аавы* — ‘дед по матери’. Весьма вероятно, что этот же корень в другом сингармоническом варианте (*ebu*) содержится в п.-мо. *ebu* ★*ge* — ‘предок’, мо. *ᠪᠦᠭᠦᠨ эцэг* — ‘дед по отцу’, бур. *Үбгэ нагаса* — ‘дед по матери’, калм. *ᠪᠦᠭᠦᠨ эцке* — ‘дед по отцу’, *ᠪᠦᠭᠦᠨ ээ?и* — ‘бабушка по отцу’. Вместе с тем можно полагать, что сингармонической парой к тунгусо-маньчжурскому

**ami-*, *ama-* является п.-мо. *eme ku* ★*n* — ‘женщина’, и трудно сказать, какое из сопоставлений будет более предпочтительным и будут ли эти сопоставления исключать друг друга.

В тюркских языках, согласно материалам словаря Э.В.Севортяна, ТР с корнем **aba* имеют следующие значения: — ‘отец, дядя (без указания), старший брат, дядя по отцу, мать, старшая сестра, мать, жена брата или дяди, тетка (чаще по отцовской линии), старшая сестра, младшая сестра отца, дочь брата моего отца старше меня, младшая сестра матери, дочь моего старшего брата, старше меня, дочь моей сестры старше меня, старшая сестра мужа, жена брата мужа старше мужа’. [24, с.54-55]. Э.В.Севортян счел нужным указать на возможность отождествления данного тюркского корня с корнями монгольских и тунгусо-маньчжурских ТР, приведенных выше [24, с.55].

Таким образом, ТР с рассматриваемым корнем обозначают кровных родственников старше эго по возрасту вне признака поколения (что демонстрируют некоторые тюркские языки), а также сиблингов родителей и старших свойственников — родителей или старших братьев/сестер супруга/супруги. По всей видимости, ТР с корнем **am(i)-*/**em(i)* имели общее значение старших по возрасту родственников.

Интересно, что тунгусо-маньчжурские ТР типа маньчжурского *амбу* ‘тетка — старшая сестра матери’ соотносятся с тюркскими ТР, восходящими к архетипу **ana*, которые имеют значения — ‘мать, старшая сестра, тетка со стороны отца, тетка со стороны матери, родственница старше эго (чувашский), моя бабушка, моя золовка (чувашский), тетка — младшая сестра матери или отца (татарский, башкирский), бабушка со стороны отца, теща (чувашский)’ [24, с.158-159]. Похоже, что форма этого термина, близкая к маньчжурской, выступает в качестве праформы для общетюркского **ana*, т.е. тюрк. **ana* < **amna* (обоснования выпадения исходных общеалтайских преконсонантных согласных в уже в пратюркском см [4; 5; 6]. Семантика данного термина в тюркских языках фиксирует скошенный счет поколений, который для тюркских СТР в их синхронном состоянии уже не характерен.

Тюркские формы типа хакас. *ача* — ‘старший брат, дядя по отцу’ [31, с. 37], очевидно, восходят к архетипу **amza*, который по форме точно соответствует маньчжурскому *амзи* — ‘дядя — старший брат отца’.

3. Т.-ма. **abaga*, мо. **abaga*, тюрк. **abaga* = *амака*.

В тунгусо-маньчжурских языках ТР, соотносительные с архетипом *abaga*, немногочисленны — это эвенк. *авага* — ‘дядя’ (< мо.), эвен. *абага* — ‘дед, медведь (<як.), уд. *абуга*, *абугу* — ‘отец, мо. *аба*, як. *абага* [29, т. 1, с. 8а].

В монгольских языках ТР с архетипом **abaga* представлены п.-мо. *abaga* — ‘дядя — брат отца’, мо. *авга ах* — ‘дядя — старший брат отца’, калм. *авһы*, ст.-калм. *abaga* — ‘дядя по отцу, брат отца (старший и младший)’.

Параллели к этому слову в тюркских языках представлены в словаре Э.В.Севортяна [24, с.64-65]. Ср. якут. *аба* #*а* — ‘старший брат отца’.

Возможно, что данный термин был заимствован из тюркских языков монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, или же попал из тюркских языков в монгольские языки, а из монгольских — в тунгусо-маньчжурские. Однако точной параллелью для тюркской формы *abaga* является эвенкийская форма *амака* — ‘дедушка’, образованная от корня **ami-*/**ama-* посредством суффикса —*ka*, который имел, возможно, уменьшительно-ласкательное значение, но при присоединении к непроемному ТР изменял их значение на +1 поколение

(ср. аналогичные отношения в эвенк. *эн'ин* — ‘мать’ — *эн'экэ* — ‘бабушка’). Таким образом, общеалтайская праформа здесь должна восстанавливаться не на основе “сквозного” соответствия слова *abaga* по трем группам языков, а на основе сравнения эвенкийского *амака* с тюркским *abaga*, тогда она приобретает вид **ama-ka* и не образует самостоятельного корневого гнезда, поскольку сама является морфологически производной.

4. Т.-ма. **aka*, мо. **axa*, , тюрк. **a:ga*.

Тунгусо-маньчжурские слова с праформой **aka* представлены следующими примерами: эвенк. *ака:* — ‘брат старший, младший брат отца или матери’, *акин'аса* — ‘покойный старший брат, дядя’, сол. *аха, ахин, ахун*, эвен. *акан*, ороц. *ака* — ‘старший брат, дядя — младший брат отца’, *акан'аса* — ‘покойный старший брат’ (с ороцкого и далее дядя — только младший брат отца), уд. *аг'а*, — ‘старший брат, дядя — младший брат отца’, *актунза, актунзуа(н)* братья старший и младший’, ульч., орок. *аг-* — ‘старший брат, дядя — младший брат отца’, нан. *а, ага* — ‘старший брат’, *ан'на* — ‘братья’, ма. *агу, агу* — ‘старший брат’, *ахун*, мн. *ахута, ахутаса* — ‘старший брат’ [29, т.1, с. 23а-24а].

Любопытно, что в уд. *актунза, актунзуа(н)* — ‘братья старший и младший’, как будто бы заключена недеформированная форма обозначения младшего сиблинга с исходным начальным *д-* вместо начального *н-*, характерного для тунгусо-маньчжурских языков (ср. также ма. *ахун дэо* — ‘старший и младший брат’, хотя ма. *дэо*, скорее всего, заимствовано из монгольских языков).

В монгольских языках слова с корнем **аха* имеют те же значения, что и в тунгусо-маньчжурских языках: п.-мо. *аха* — ‘старший брат’, мо. *ах*, бур. *аха*, калм. *ахы*, ст.-калм. *аха* — ‘старший брат’, *наһыцхы* (= *наһы ахы*) — ‘дядя по матери, брат матери (старший и младший)’, *наһыцы кҮрген ахы* — ‘дядя, муж сестры матери’,

Для тюркских ТР с праформой **a:ga* [24, с.70-71] главенствующим значением является значение ‘старший брат’, иные значения — ‘дядя’, ‘отец’, ‘брат отца моего отца старше отца’, ‘дед по отцу’ [24, с.70]. Ср. др.-тюрк. *ага* ‘старший брат’. Сопоставление форм из трех групп алтайских языков, приведенное там же [24, с.71] достаточно очевидно и едва ли может вызывать сомнения.

Изменения значения термина **aka* по отдельным языкам достаточно прозрачны. В тунгусо-маньчжурских языках данный термин является общим для обозначения старшего брата и младшего брата отца или матери. В тунгусских языках южной ветви отмечается сужение значения этого слова до ‘дядя — младший брат отца’ (хотя нельзя исключать того, что значение ‘дядя — младший брат матери’ не было зафиксировано). В монгольских языках этот термин, сохраняя основное значение ‘старший брат’, утрачивает соотносительное с данным значением признака возраста в родстве по боковой линии, но при этом обозначает коллатеральное родство только по женской линии: как раз ни то, ни другое и не характерно для южнотунгусских языков. Таким образом, филиации значения этого термина в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках выглядят как сужение исходного значения и вторичное его расширение в сфере переносных значений — то же можно сказать и о семантике этого термина в тюркских языках, где к ней добавляются значения ‘отец’, ‘дед по отцу’ и ‘старший брат отца’: все они связаны с изменением семантического признака поколения на одну ступень по сравнению с его исходным значением (0/+1 при варьирующем значении возраста старше эго/младше альтера).

5. Т.-ма. **da:-*, да *᠋ᠳᠠ*, мо. **naḡasɯ*, тюрк. **da:йы*.

В тунгусо-маньчжурских языках ТР с корнем **да*:- достаточно разнообразны по своему значению. Это эвенк. *да*: — ‘родственник по свойству, сват’, *давун* (притяжательная форма 1 лица мн. числа?) — ‘деверь (без указания относительного возраста), эвен. *да*: — ‘старший брат жены, муж младшей сестры, сват’, *дан”та* — ‘младший брат матери, сын старшей сестры отца’, нег. *дан”та* — ‘родственник по свойству’, ма. *дан”чан*, *дан”шан* — ‘родство с материнской или жениной стороны, сват, сваты’ [29, т.1, с.183б-184а]. Инвариантным значением различных ТР, зафиксированных в разных языках является значение “сват”, причем в отличие от соответствующих ТР в разных языках для данного слова это значение восстанавливается как с ограничением как связанное с Эм, а сам термин используется для обозначения свойственников или родственников по женской линии. Другим отличием данного термина от слов со значением сват, сваты’ является отсутствие в нем признака поколения с нулевым значением (при обязательном отличии альтера и коннектора на —1 поколение) и признака возраста: если сваты’ как родители супругов принадлежат к одному и тому же поколению и возрастные различия между ними никогда не являются значимыми, то данный термин способен обозначать такое родство по браку, при котором альтер принадлежит к одному поколению с эго, при этом признак относительного возраста в семантике термина произвольно варьирует. То, что в тунгусо-маньчжурских языках этим термином обозначаются также одновременно брат жены и муж сестры, указывает на типичный случай кросс-кузенного брака, при котором данные определения относятся к одному и тому же индивиду.

Похоже, что в монгольских языках данному термину соответствует группа ТР, содержащих в своем составе термин *нагаси*, которая обозначает родственников по женской линии. Ср. мо. *нагац*   — ‘дед по матери’, *нагац ах* — ‘дядя по матери’, *нагац эгч* — ‘тетка по матери’, бур. *нагаса аба*, *Убгэн нагаса* — ‘дед по матери’, *нагаса авгай* — ‘тетка по матери’, калм. *наһыцы эрке*, *наһыцы аавы* — ‘дедушка по матери’, *?вке ээ* — ‘бабушка по отцу’, *наһыцы эке*, *наһыцы ээи* — ‘бабушка по матери’, *наһыцы авһы*, *наһыцы аавы* — ‘брат деда по материнской линии’, *наһыцы* (= *наһыцы ахы*) — ‘дядя по матери, брат матери (старший и младший)’, *наһыцы кҮрген ахы* — ‘дядя, муж сестры матери’, ст.-калм. *нагса* — ‘родственники по материнской линии’, *наһыцы эгчи* — ‘тетка по матери, сестра матери (старшая и младшая)’, *наһыцы бэрген* — ‘тетка, жена дяди по матери’.

В связи с этим сопоставлением чрезвычайно интересно, что в тунгусо-маньчжурских языках имеется специальный термин для обозначения свойственников и кровных родственников при Эж — эвенк. *н’а:зу* — ‘родственник, родня по мужу, старший брат мужа (так называют их женщины)’, *н’а:ти*, *н’а:тэ* — ‘родственница, дочь, сестра (так называют их женщины)’, нег. *н’аза* — ‘родня кровная, сородич, брат (так называет мужчину женщина одного с ним рода)’, ороц., уд. *н’а:закта* — ‘сородичи, братья всех степеней родства’, орок. *на:да* — ‘сородич, брат, *на:дакта* двоюродные братья, нан. *н’азакта* братья’ [29, т.1, с. 627б-628а]. Хотя семантика этого термина по отдельным языкам не во всем повторяет семантику слов с корнем **да*:-, все же из-за редкой для тунгусо-маньчжурских языков дифференциации двух рассматриваемых терминов по полу эго создается впечатление, что данный термин отличается от термина *да*:. *да* *та* как очень древняя диалектная форма или как какой-то социолингвистический вариант, отражающий, например, особое женское произношение каких-то слов.

Очевидно, из монгольских языков были заимствованы в маньчжурский и некоторые тунгусские языки такие термины, как сол. *нагасу* — ‘дядя по матери’, ма. *накчу*, (мн. *накчуса*, *накчута*) — ‘дядя по матери, старший или младший брат матери’, мо. *нагц* — ‘родные по матери’ [29, т.1, с. 576б]. По аналогии с термином *накчу* в маньчжурском языке посредством искусственной перегласовки образовался термин *нэкчу* — ‘тетка, жена старшего или младшего брата матери’ [29, т.1, с.618б]. Не вполне ясно, можно ли считать маньчжурские слова *нача* (*наса*) — ‘старший брат жены’ и *нэчэ* (*песе*) — ‘жена старшего брата жены’ дублетными, но более ранними заимствованиями из монгольских языков, восходящими к слову *нагаси*, или же они имеют какую-либо иную историю — однако если принять первое предположение, то опять-таки получится, что маньчжурский язык оказывается единственным из тунгусо-маньчжурским языков, где парные сингармонические варианты ТР образуются даже от заимствованных слов.

Тюркский термин **да:йы*, широко распространенный по отдельным языкам, имеет следующие значения — ‘дядя по материнской линии, дядька воспитатель, дед по матери, старший или младший брат матери’. [25, с.127-128]. Э.К.Пекарский отмечал для якутского *таай* значения, включающие всех родственников по матери (от дяди до прапрадедов), а также родственников по нисходящей линии [Пек, стлб. 2523-2524].

Э.В.Севортян сравнивал тюркский термин **да:йы* с тунгусо-маньчжурским **да-* [25, с.129]. Связь монгольского термина *нагаси* со словами других языковых групп возможна, хотя фонетические соответствия *д-н-* трудно объяснимы и наблюдаются довольно редко. Однако, как показывают наблюдения, можно полагать, что различия в звучании этого термина по двум группам языков (конкретно — особый вариант в монгольских языках и два разных варианта в тунгусо-маньчжурских языках) связаны с какими-то диалектными или гендерными вариантами произношения.

б. Т.-ма. *он"ака*, *кон"ар*, нивх. *о* [★]*ла*, тюрк. *огул*, *оглан*.

Вообще отдельные ТР — наименования потомков в —1 поколении по отдельным группам алтайских языков как особые лексические единицы не восстанавливаются. Специальные лексические единицы для обозначений понятий “сын” и “дочь” отсутствуют и в монгольских, и в тунгусо-маньчжурских языках, а в тунгусо-маньчжурских языках наименование потомка в —1 поколении хотя и представлено в эвенк. *хутэ* и его соответствиях в других тунгусских языках, но оно не имеет противопоставления по полу и совмещает значения сын/дочь’. Параллели к нему в других алтайских языках [32, с.52-59] не слишком убедительны, но даже если и соглашаться с приведенными в алтаистических трудах сравнениями, значение сын/дочь’ придется признать наиболее поздним и составляющим специфическую тунгусо-маньчжурскую, а точнее, собственно тунгусскую инновацию, что делает этот материал малоценным для общеалтайской реконструкции ТР.

Однако анализ форм другого слова со значением “ребенок”, хотя оно и не входит в тунгусо-маньчжурских языках в состав ТР, привлекает к себе внимание, поскольку открываются основания для возведения его к инвентарю общеалтайских ТР. Это следующие слова: эвенк. *кун"а* — ‘ребенок’, сол. *куахан* — ‘сын’, эвен. *кун"а* — ‘ребенок’, нег. *кон"ахан* — ‘ребенок’, орок. *он"гаи* — ‘младенец, ребенок грудной’, нан. *кон"ар би* — ‘новорожденный, он"ака — ‘младенец, ребенок грудной’ [29, т.1, с. 433аб]. Филиации начального согласного

к- в межъязыковых соответствиях совершенно необъяснимы, однако сами по себе межтунгусские сравнения являются абсолютно надежными. Присутствие в этом словарном гнезде форм без начального согласного к-, а также наличие нанайского *кон"ар би* с конечным плавным согласным побуждает привлечь к сравнению и нивхское *ола*, вост. сахалинск. *эln* "ребенок, загадочным образом совпадающее с др.-тюрк. *ogul*, мн. ч. *oglan* — 'сын, мальчик' [24, с. 411-412, 414-417].

7. Т.-ма. **ne:kun*, мо. *deguu*, тюрк. *jegin*. (??)

Тунгусо-маньчжурские слова с праформой * *ne:kun* в отдельных языках представлены в следующем виде: эвенк. *нэкун* — 'младший брат/сестра', сол. *нэху*, эвен. *н:* ⊕ — 'младший брат/сестра', нег. *нэху*, *нуху*, *нэхуй* — 'младший брат/сестра, племянник, племянница, деверь, шурина, золовка, невестка младше говорящего (младше эго)', ороч. *нокко*, *ноко* — 'младший брат/сестра', *нэн"у* — 'младший брат/сестра, племянник — сын старшего брата', уд. *не @дига* — 'младший брат/сестра', *нэн"у* — 'братья и сестры младше эго, чужеродцы младше говорящего, если он моложе их родителей', ульч. *нэку*, *нэу* — 'младший брат/сестра', орок. *нэв*, *нэу* — 'младший брат/сестра', нан. *нэку*, *нэку(н)* — 'младший брат/сестра', ма. *нон* младшая сестра, двоюродная младшая сестра' [29, т.1, с.617б-618б]. Наряду с этим термином в тунгусо-маньчжурских языках отмечается также термин, заимствованный из монгольских языков: сол. *доу*, *ду:*, нан. *дэу*, ма. *дэо* — 'брат младший' <мо. [29, т.1, с.217б].

Как кажется, в уд. *актунза*, *актунзуа(н)* — 'братья старший и младший' сохранена неизменная форма с начальным неносовым согласным д-, который лишь подвергся оглушению в соседстве с глухим к первого компонента сложного слова.

Из различий в семантике данного термина привлекает внимание материал негидальского языка, где данным термином обозначаются не только младшие сиблинги, но и все младшие родственники, причем семантическим признаком тут является не возраст альтера (как это имеет место в общетунгусском термине *бэнэр*), а возраст эго. Можно предполагать, что общим значением данного термина было обозначение возрастного класса, включавшего кровных и некровных родственников младше эго. Такая реконструкция частично соответствует аналогичным отношениям в значениях тунгусо-маньчжурских ТР, обозначающих старших родственников и родственников, хотя в последнем случае мы наблюдаем словообразовательную дифференциацию терминов, образующихся от одних и тех же корней.

Монгольские термины, сопоставимые с тунгусо-маньчжурскими, однозначны, п.-мо. *degu* ★u★, мо., бур., калм. *дүү* — 'младший брат, младшая сестра'.

Возможной тюркской параллелью к монгольским формам может быть др.-тюрк. *jegen*, *jegin* — 'племянник' (не исключено, что данный тюркский термин представляет собой результат конвергенции двух разных общеалтайских форм). Для фонетического своеобразия тунгусо-маньчжурских форм может быть две причины: или филиации д/н, отмечаемые между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, или воздействие форм, образованных от корня *in-*, где начальный гласный *i-* мог ассоциироваться с архаическим личным местоимением 3 лица ед. числа в функции possessивного показателя (ср. ниже эвенк. *ибэзэ* — 'родственник по свойству, зять' [29, т.1, с.295а], при мо. *баз* и тюрк. *ба:жа* — 'свояк' .

8. Т.-ма. **eke*, мо. **eke*, тюрк. *эгэ-

С формальной стороны термины с праформой **eke*, обозначающие старших родственников, в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках совершенно сходны, а соотносительные с ними тюркские слова отличаются только в словообразовательном отношении.

В тунгусо-маньчжурских языках термин с праформой **eke* имеет следующие значения: эвенк. *эки:н* — ‘сестра’, сол. *эхи(н)*, эвен. *экэн*, нег. *экэ, эхэ*, — ‘сестра старшая, тетка — жена младшего брата отца или матери’, ороц. *эгэ, экэ, эхэ* — ‘сестра старшая, невестка — жена старшего брата’, уд. *эхи(н)* — ‘сестра старшая, тетя — младшая сестра отца’, ульч. *эгэ, эйкэ*, орок. *эгэ, эйгэ* — ‘старшая сестра, тетя’, нан. *эйкэ* — ‘старшая сестра’, ма. *эйун* — ‘старшая сестра’ [29, т.2, с.443аб]. Собственно говоря, репертуар значений данного термина сводим к четырем: ‘старшая сестра’ ‘тетка — младшая сестра отца или матери’, ‘тетка — жена младшего брата отца или матери’, ‘старшая невестка, жена старшего брата’. Из системы значений ТР, характерной для тунгусо-маньчжурских языков, выпадает лишь последнее значение, поскольку скошенный счет поколений, при котором термин для старшего sibлинга эго совпадает с термином лоя младших sibлингов родителей, отмечается в СТР тунгусо-маньчжуров достаточно последовательно. Весь набор значений данного термина указывает на возможное исходное значение ‘старшая родственница’.

В монгольских языках термин с архетипом **eke* имеет значение ‘мать’: ср. п.-мо. *eke*, мо. *эх*, бур. *эхэ*, калм. *эке* — ‘мать’. Можно указать на то, что семантические соотношения между однокоренными словами тунгусо-маньчжурских и монгольских языков весьма сходны с соотношениями между монгольским *ecige* — ‘отец’ и тунгусо-маньчжурским *этэ* — ‘дед’, где также в качестве различительного признака выступает разница на одно поколение.

В тюркских языках представлены два ТР, которые, по мнению Э.В.Севортяна, имеют общий корень, но отличаются друг от друга разным суффиксальным оформлением. Тюркские ТР, соотносительные с производным **егеч*, имеют значение ‘старшая сестра’, ‘родная тетка (без уточнений)’, ‘старшая сестра жены’. [24, с.222-223]. ТР, соотносительные с производным **екежи*, имеют значения — ‘старшая сестра’, — ‘жена старшего брата’, — ‘девушка, девочка’ (турецкие диалекты), ‘золовка’ (уйгурский язык), ‘свояченица’ (хакасский), — ‘тетя — ‘сестра отца’, — ‘жена старшего брата’ (койбальский) [24, с.223].

Тюркские формы **егеч* и **екежи*, приводимые Э.В.Севортяном, довольно легко сводимы к одному архетипу **eke-ci*, в котором, как и в ряде других тюркских ТР, выделяется уменьшительный или выделительный суффикс — *ci*. Утрата конечного гласного в производных первой группы связана с осмыслением этого гласного как притяжательного суффикса 3 лица ед. и мн. числа (что представляет собой обычное явление для тюркских ТР), а озвончение интервокального согласного с похоже на региональное фонетическое явление. Система значений рассматриваемых тюркских ТР соотносительна со значениями тунгусо-маньчжурского **eke*, и в целом соответствует реконструкции значения ‘старшая родственница, родственница или свойственница старше эго’, а по форме они как будто бы точно соответствуют монгольскому *egeci* (<**eke-ci*) ‘старшая сестра’. Сравнение тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских форм, довольно очевидное само по себе, подтверждено в словаре Э.В.Севортяна [24, с. 223, 224].

9. Т.ма. **эн’ин*, мо. *ээжи* (<**en’-ci*), тюрк. *еже* (<**en’-ci, *en’-ce*).

В тунгусо-маньчжурских языках термин с архетипом *эн'и-(н) имеет единообразные значения 'мать': ср. эвенк. эн'ин — 'мать', сол. энни(н), эвен. эн'ин — 'мать', эн'рэнни — 'мачеха', ороц. эн'и — 'мать', эн'ин'эсэ — 'покойная мать', уд. эн'и(н) — 'мать', ульч. эн'- 'мать', эн'экэ(н) — 'мачеха, теща', орок. энни(н) — 'мать', эннирэ(н) — 'мачеха', энничил — 'родня по матери', нан. эн'и(н) — 'мать', ма. эннэ — 'мать' [29, т.2, с.456аб].

Э.В.Севортян сравнивал данное слово с тюркским термином *ене 'мать', бабушка по отцу', тетка' [24, с. 280, 281], а также с корейским эй (<*эн'и) — 'мать'. Как видно из ряда сравнений, монгольские параллели в нем отсутствуют.

Вместе с тем в словаре Э.В.Севортяна отдельной статьей дан тюркский термин *еже 'мать', старшая сестра', старшая сестра мужа', 'тетка — старшая сестра отца или матери', бабка' [24, с.232-233], а также 'брат /сестра отца' койб, караг. 'дочери, сыновья и внуки брата', 'ребенок тети-сестры отца', 'старший брат', 'отец, старший родственник', 'дед по отцу и матери', 'дядя со стороны отца'. Архетип этих слов сопоставляется с мо. ээж — 'мать, мама', ма. аза — 'матушка, мать', азаха — 'старушка, матушка', эвенк. ачи — 'предок, двоюродный брат', сол. ача 'отец'. [24, с. 234-235].

Мы не беремся здесь обсуждать основания для сведения довольно разнородного лексического материала в одну словарную статью [29], поскольку нас интересует совсем другой предмет — соотношение тюркских и монгольских форм с тунгусо-маньчжурскими. Принимая во внимание то, что для тюркских и отчасти для монгольских ТР характерным является суффикс —*сі*, —*се*, можно полагать, что и п.-мо. езі, и в особенности тюркское *еже во всех тюркских языках, где они зафиксированы, являются дериватом от общеалтайского корня *еп', общетюркского *еп' ~ *ej- и восходят к *еп'-се или *еп'-сі. В соответствии с закономерностями изменения фонетической структуры слова в тюркских языках по сравнению с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, которые были недавно установлены автором [4; 5; 6], которые охватывают все без исключения общеалтайские сочетания согласных в тюркских языках и предписывают выпадение первого согласного, конечный согласный корня перед суффиксом в тюркских языках должен был утратиться. Исходная общеалтайская форма рассматриваемого корня представлена в тюркских языках в тувинском *ие* — 'мать', якутском *ийэ* — 'мать', сохраняющем назальную окраску согласного й, и хакасском *ине* — 'мать', наряду с которым в хакасском языке существует и древняя суффиксальная форма *ие* — 'мать'. Таким образом, мы имеем возможность и отыскать в тюркском материале рефлекс общеалтайского корня, и в то же время указать на древние суффиксальные варианты как на причины дублетности тюркских лексем со значением 'мать, старшая родственница'.

Примечательно, что в ульчском языке одним и тем же термином, производным от основы эн'-, именуется мачеха и теща — таким образом, есть основания полагать, что в основе представлений о свойстве (некровном родстве) лежат представления об искусственном родстве.

10. Т.-ма. *кэкэ, мо. *gaga, тюрк. *каку.

Термины, рассматриваемые ниже, в соответствующей литературе не рассматривались в силу того, что их документация в отдельных группах алтайских языков весьма ограничена и традиционный подход к групповым реконструкциям побуждал исследователей элиминировать данный материал из общеалтайских реконструкций.

В тунгусо-маньчжурских языках слово *кэкэ* встречается весьма редко — ср. нан. *кэкэ* — ‘сестра старшая, брат старший’, ма. *кэкэ* — ‘золовка — старшая сестра мужа, свояченица — старшая сестра жены’ [29, т.1, с.445б].

Из монгольских языков только в калмыцком обнаруживается слово *haha* — ‘тетка по отцу, сестра отца (старшая и младшая)’. Точкой соприкосновения семантики сравниваемых слов является значение ‘младшая сестра отца (матери) /старшая сестра’, обычно совмещаемое в одном термине при скошенном счете поколений. Озвончение согласных в калмыцком слове может быть вторичным, в особенности озвончение начального согласного под влиянием озвончения интервокального согласного.

Из тюркских языков параллель к рассматриваемым словам представлена в гагаузском слове *каку* — ‘старшая сестра, старшая сестра жены’. Значения его, как мы видим, те же, что и значения слова *кэкэ* в нанайском и маньчжурском языках. Л.А.Покровская считает это слово заимствованием из болгарского языка, где оно имеет вид *кака* [21, с.265]. Однако довольно очевидно, что в самом болгарском языке данный термин, даже если он там и представлен, не принадлежит общеславянскому лексическому фонду и скорее всего, является заимствованием из тех же тюркских языков. При наличии достаточно очевидных тунгусо-маньчжурской и калмыцкой параллели, несмотря на их ограниченное распространение в отдельных группах языков, можно считать данный термин общеалтайским. По своей семантической структуре данный термин сходен с термином **eke*, и весьма возможно, что форма ***keke* является вторичной дублетной формой по отношению к форме **eke*, чем и объясняется ее маргинальность во всех группах алтайских языков.

11. Т.-ма. **ze:*, мо. **zike*, тюрк. **йеген*.

В тунгусо-маньчжурских языках корень **ze:* представлен в ограниченном объеме материалов — эвенк. *ze:* — ‘друг, товарищ, муж, жена, кровный родственник, племянник, племянница, золовка’, нан. *zia* ‘муж’ — в других языках слова, имеющие этот же корень, имеют значение ‘друг, товарищ’ [29, т.1, с.254а].

Хотя авторы сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков [29] оставили это слово вообще без параллелей из других алтайских языков, это слово может сравниваться с п.-мо. *zike* — ‘племянник, сын сестры’, мо. *зээ* — ‘племянник, сын сестры’, *зээ хҮҮ* — ‘внук, сын дочери’, бур, *зээ хҮбҮҮн* — ‘сын сестры’, ‘внук, сын дочери’, калм. *зээ к᠋ᠪᠠᠨ* — ‘племянник по матери, сын брата или сестры матери’, *зээ кҮҮкен* — ‘племянница по матери, дочь брата или сестры матери’. Возможно, и весьма вероятно, что данное слово в тунгусо-маньчжурских языках является заимствованием из монгольских языков по крайней мере в указанных значениях. Эвенкийские слова *де, де:* — ‘золовка’, затерявшиеся в двуязычных словарях (см.[7]) и попавшие, похоже, не на свое место в [29], могут соотноситься с монгольскими ТР типа *к᠋ᠪᠠᠨ дҮҮ* — ‘младший брат мужа, деверь’, *кҮҮкен дҮҮ* — ‘младшая сестра мужа, золовка’.

В тюркских языках слова с праформой **йеген* представлены довольно широко: ср. др.-тюрк. *jegen, jegin* — ‘племянник’, хак. *чеені* — ‘племянник, сын сестры’, *чеен* (диал. *чан*) — ‘племянники со стороны сестры и их потомство’, алт. *јээн* — ‘сын или дочь сестры — старшей или младшей, сын или дочь сестры отца’, тув. *чээн* — ‘племянник’, племянница’.

Согласно сводке Э.В.Севортыяна, данная лексема в тюркских языках имеет значения ‘сын сестры и других родственников, племянник, внук по женской линии’, а также ‘зять, муж дочери’ [27, с.166].

Несмотря на то, что отношение тунгусо-маньчжурских слов к рассматриваемому гнезду остается спорным, тюрко-монгольское единство слов со значением ‘племянник, внук по женской линии’ не вызывает особых сомнений. Совмещение значений ‘племянник’ и ‘зять’, отмеченное в словаре Э.В.Севортыяна, отвечает нормам кросс-кузенного брака, при котором для Эм сын сестры должен был быть зятем. Сходный семантический сдвиг мог иметь место и в юкагирском *пулийэ* — ‘зять, муж старшей сестры, муж младшей сестры отца’, если каким-либо образом связывать это слово с тюрко-монгольским **бӨле* — ‘двоюродные братья — дети сестер’ [25, с.217-219], однако такой сдвиг значения, кажется, мог иметь место уже только для Эж.

12. Т.-ма. **и:на-н*, тюрк. **ини*

Тунгусо-маньчжурские ТР образованные от корня *ина-н, сравнительно немногочисленны: эвенк. *и:нан* — ‘деверь — младший брат мужа’, ‘свекор’, *инанай* — ‘свояк’, эвен. *ина* — ‘двоюродные братья разных родов’ (т.е. дети брата и сестры. — А.Б.), ‘свояки’, ‘племянник, племянница’, нег. *ина* — ‘племянники, дети старшей сестры женщины, старшей и младшей сестры мужчины, родня по женской линии отца, дядя — старший брат матери, деверь — старший брат мужа’, орок. *ина* — ‘зять’, нан. *ина* ‘свояченица, младшая сестра мужа’, ма. *ина* — ‘племянник, сын сестры’ [29, т.1, с.315аб]. Инвариантные значения здесь не вполне ясны, поскольку при обозначении лиц мужского пола данный термин обозначает и старших, и младших родственников, и только при обозначении лиц женского пола — исключительно младших родственников. В наименовании отношений свойства данный термин используется исключительно для Эж, за исключением неясного по данному признаку орокского *ина* — ‘зять’. Двоюродные братья разных родов — дети брата и сестры должны быть свояками в кросс-кузенном браке (если они женаты на двоюродных сестрах), и объединение этих значений в одном термине таким образом находит свое объяснение. Для Эж дядя — брат матери и брат мужа принадлежат к одному роду или фратрии и также могут попасть в один и тот же класс родственников.

В монгольских языках соответствий данному слову не обнаруживается.

Э.В.Севортыян сравнивал данный термин с тюркским словом **ини* — ‘младший брат, младший брат мужа, деверь, шурина, племянник, младшая сестра, младшая сестра мужа’ [24, с.363]. Расхождения в оформлении конечной части слова можно отнести за счет осмысления конечных элементов как притяжательных суффиксов 3 лица, которые в тюркских языках имеют вид —*ы/и*, а в тунгусо-маньчжурских языках для 3 лица единственного числа — *н*. Соответствия гласных *а ~ и/ы* встречаются достаточно часто и в тунгусо-маньчжурских, и в тюркских языках и в обеих группах не поддаются упорядочению, так что подобные различия не являются препятствием к сравнению этих слов друг с другом.

13. Т.-ма. *кураду*, мо. **kuri degu* ✦*u* ✦, тюрк. **ku* ✦*da* ✦*gu* ✦.

Из тунгусо-маньчжурских ТР, привлекающих наше внимание в связи с наименованием зятя, а конкретно — тюрк. *ku* ✦*da* ✦*gu* ✦ на фоне данных других алтайских языков, наше внимание привлекает эвенк. диал. *кураду* — ‘зять, шурина, свояк’, *курду* — ‘свояченица’ [29, т.1, с.435а]. Этот термин является очевидным заимствованием из монгольских языков, ср. п.-мо. *kuri degu* ✦*u* ✦ — ‘шурина, младший брат жены’, а также бур. *хҮр дҮҮ басаган* — ‘золовка, свояченица (младшая сестра мужа или жены)’, калм. *кҮр дҮҮ кҮҮкен* — ‘младшая сестра жены, свояченица’. Здесь соотношение значений, образующих сложную структуру в эвенкийском языке, опять-таки понятно через призму кросс-

кузенного брака, при котором муж младшей сестры для Эм может быть младшим братом жены. Словарем С.М.Широкогорова [34, с. 00] у эвенкийского диалектного слова *курудо* отмечено также значение ‘деверь, младший брат мужа’, которое совместимо со значением ‘зять, муж сестры’ для Эж, если братья в соответствии с обычаем сорората женаты на сестрах.

Другие слова со значением ‘зять’ — а именно: нег. *ходову*: — ‘зять муж дочери, муж младшей сестры’, ороч. *ходу*: — ‘зять — муж дочери, муж младшей сестры’, ульч. *ходу* — ‘зять’, нан. *хозо* — ‘зять’, ма. *хозигон, хозихон* — ‘зять (муж сестры)’ [29, т.1, с.423аб] едва ли можно считать исконными для тунгусо-маньчжурского лексического фонда. Они производят впечатление заимствований из тюркских языков, хотя трудно понять, когда и где именно эти слова могли попасть в тунгусо-маньчжурские языки непосредственно из тюркских языков (в монгольских языках, посредство которых обычно предполагается для тюркизмов в тунгусо-маньчжурских языках, слово ‘зять’ имеет иной вид). Эвенк. *куда* — ‘сват’, *кудугуй, кодогой* — ‘сватья’, попали в статью [29] со словом “зять”, видимо, случайно (они представляют собой явные заимствования из монгольских языков) — если, конечно, не считать слова *куда* — ‘сват’ и *ku ✦da ✦gu ✦* — ‘зять’ древней сингармонической парой типа **aka/*eke*.

В тюркских языках слово с праформой **ku ✦da ✦gu ✦* имеет значения — ‘муж дочери, муж младшей сестры, муж старшей сестры (в якутском языке при Эж)’, ‘муж родственницы моложе эго (чувацкий язык)’, ‘муж сестры отца, муж младшей сестры матери для Эм (якутский язык)’. [26, с. 44].

Как отмечает в своем словаре Э.В.Севортян, в алтаистике неоднократно разными авторами предпринимались попытки вывести тюркскую форму **ku ✦da ✦gu ✦* из монгольского лексического материала, в частности из **kuri degu ✦u ✦* [26, с.45], однако ранее данное утверждение всегда предполагало мысль о том, что данное слово в тюркских языках является заимствованием из монгольских языков. В свете выведенных нами закономерностей соотношения линейной фонетической структуры слова в монгольских и тюркских языках постановка знака равенства между монгольским **kuri degu ✦u ✦* и тюркским **kudagu* не только абсолютно правомерна, но и полностью исключает интерпретацию этих форм как заимствований из одной группы языков в другую (как из монгольских языков в тюркские, так и наоборот). Более того, это же предположение позволяет решить проблемы относительно происхождения монгольского *ku ✦rgen* — ‘зять’, и тюркского *кҮрекен, кӨрекен* — ‘зять’. Первое из приведенных слов вполне могло рассматриваться как заимствование из тюркского языка типа чувашского (ср. чув. *ку ✦р* — ‘зять’), а второе считалось монгольским заимствованием [26, с.45-46]. Точно также монгольскими заимствованиями (и справедливо) считаются эвенк. диал. *курэкан, куригэн*, сол. *хурэхэ(н)* — ‘зять’ [29, т.1, с.437а]. Альтернативой к утверждению о тюркском (древнечувашском) происхождении этих форм будет выведение их из архетипа ***kuri-axa>** kuri-eke*, и тогда отпадает надобность признавать приведенные выше слова явными монгольскими заимствованиями, а монгольское *ku ✦rgen* — тюркизмом с подозрительной биографией, для которого должен предполагаться древнечувашский источник. Ср. калм. *кҮрген ахы* — ‘зять, муж старшей сестры’, которое составлено из того же самого лексического материала, что и восстанавливаемая праформа. Возможно, что в монгольских языках имела место контаминация предполагаемого тюрко-монгольского или даже тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурского **kuri degu ✦u ✦* — ‘зять’ и собственно монгольского

термина с тем же значением, представленного в бурятском *хурьяхай* — ‘зять’, которое образовано от глагола *xurija-* ‘собирать, брать (видимо, к этому же гнезду слов восходит и тувинское *курьяк* — ‘жена’, не имеющее явных соответствий ни в тюркских, ни в монгольских языках [8]).

Как кажется, среди тюркизмов в тунгусо-маньчжурских языках, соотносительных со словом ‘зять’ можно указать еще и маньчжурское *хунчихин* — ‘родственник’, ‘одноплеменник, однофамилец’ [29, т.1, с.477б], которое, как кажется, представляет собой более раннее заимствование из тюркских языков, нежели маньчжурское *хозихон* — ‘зять’ и однокоренные тунгусские слова.

14. Т.-ма. **avus*, мо. **abisun*, тюрк. **абызы*.

В тунгусо-маньчжурских языках лексема с архетипом **avus* зафиксирована в следующих языках: эвенк. *авус*, эвен. *авус* — ‘муж старшей сестры’, нег. *авус* — ‘муж старшей сестры, муж младшей сестры отца’, матери, ороц. *аус* ∅, ауси — ‘муж старшей сестры, младший брат жены’, уд. *ауһи* — ‘зять’, ульч. *авси*, *ауси* — ‘зять, мужчина, женатый на женщине из данного рода’, нан. *аоси* — ‘зять’ [29, т.1, с.11а]. Возможно, что в это же гнездо, вопреки составителям сравнительного словаря, надлежало бы отнести ма. *эфу* — ‘муж старшей сестры’ [29, т.2, с. 459аб], параллели к которому в указанной статье сравнительного словаря малоубедительны и разнородны.

Эта лексема может сравниваться с п.-мо. *abisun*, мо. *авьсан* — ‘жена старшего брата по отношению к жене младшего’, бур. вост. *абыһан* — ‘жена одного брата по отношению к жене другого брата’. Казалось бы, значения тунгусо-маньчжурских и монгольских слов вообще несводимы друг к другу. Однако инвариантным значением этих слов оказывается обозначение сиблинга супруга эго/супруга сиблинга эго. С учетом того, что младшие сиблинги обоих супругов в тунгусо-маньчжурских языках обозначаются одним и тем же термином *бэнэр*, вполне возможно, что и старшие сиблинги обоих супругов некогда обозначались одним и тем же термином. Подведение монгольского слова *abisun* и тунгусо-маньчжурского *авус* под архетип **аба*, как это пыталась делать В.И.Цинциус [32, с. 34-35] нам ныне представляется совершенно неубедительным.

Тюркской параллелью к приведенным выше термином будут следующие слова: куманд. *абыча* — ‘тетка по отцу’, каз. *абысын*, тел. *абызын* — ‘жена старшего брата мужа’, тат. *абыстай* — ‘старшая сестра, родственница, обращение к старшим женщинам’, тел. *абызын* — ‘сноха’, тат. (Кас. у В.В.Радлова): *абыз жан агай* — ‘младший брат мужа по отношению к жене старшего брата’, *абыз би агай* — ‘старший брат мужа по отношению к жене младшего брата’, *абыз жингей* — ‘жена старшего брата по отношению к младшему брату’, *абыз келин* — ‘старший брат по отношению к жене младшего брата’ [23, т.1, стлб. 629-630]. У теленгитов слово *абызы* имеет значение ‘сын старшего брата мужа’, в то время как у других групп алтайцев он обозначает жен братьев по отношению друг к другу [30].

Собственно говоря, как раз материала тюркских языков и недоставало для реконструкции общего значения монгольских и тунгусо-маньчжурских слов — слово с архетипом **абыз*, которому в словаре Э.В.Севортыана довольно-таки справедливо отказано в статусе общетюркской лексической единицы, обозначает жену старшего брата по отношению к жене младшего брата (точно так, как в монгольских языках), или в составе сложных терминов деверя — старшего брата мужа. В сводке тюркских слов, приведенных выше, ряд форм безусловно заимствован из монгольских языков, но довольно рискованно считать

монголизмами все эти слова. Семантический признак возраста в тюркских ТР с этим словом сохраняется и является значимым, а его значение совпадает с тем, что представлено в тунгусо-маньчжурских ТР, в то время как в монгольском *abisun* этот признак отсутствует. Едва ли тюркские слова, которые можно возводить к праформе **абыз* или **абызы* заимствованы из монгольских языков. В равной мере нет никаких оснований считать соответствующие тунгусо-маньчжурские ТР тюркизмами и еще меньше оснований рассматривать их как монголизмы. Различия в оформлении конечной части слов в монгольских и тюркских языках легко объясняются за счет действия аналогии: в тюркских языках конечный гласный —*ы* ассоциировался с притяжательным суффиксом, в монгольских языках это слово подстроилось под ряд слов с суффиксальным элементом —*sun*, имеющим значение собирательной множественности.

15. Т.-ма. **᠋ᠣᠭᠢ*, тюрк. *ойох*.

В тунгусо-маньчжурских языках термин **о*'ги имеет такие значения: эвенк. *уги*: — 'невестка — жена старшего брата', эвен. *᠋ᠣᠭᠢ*, *᠋ᠣᠶᠢ* — 'жена старшего брата, тетка — жена младшего брата отца или матери', в арманском диалекте — 'жены братьев (по отношению друг к другу)', нег. *уги*: — 'невестка — жена старшего брата, тетка жена младшего брата отца' [29, т. 2, с.245а].

Нами было показано, что конечные долгие узкие гласные *и*; *у*: в тунгусо-маньчжурских языках соответствуют в монгольских и тюркских языках комплексам —*ак*, —*эк* и восходят, возможно к сочетаниям **-ах*, **-эх* [4; 5]. Эта закономерность заставляет возводить тунгусо-маньчжурские слова к праформе **᠋ᠣᠭᠢᠬ*, которая, в свою очередь, довольно сходна с якутским *ойох* — 'жена' Э.К.Пекарский, который сравнивал данное якутское слово с тюркским прилагательным *ойык* — 'проколотый, продырявленный' [19, стлб.1804]. Репарка В.Серошевского "Есть закоулки где якутское слово *оюох* незнакомо населению; там его встречают смехом, а жен зовут *дьахтар* — 'женщина' или *эмээхсин* — 'старуха'..." [28, с. 548], почти дословно воспроизведена в цитируемой статье словаря Э.К.Пекарского без ссылки на источник. Скорее всего, ассоциации тюркских слов, приведенных здесь, являются народной этимологией. Сравнение слов со значением жена и жена старшего брата поддерживается известным обычаем права младшего брата на связи с женами старших братьев и обычая левирата, согласно которому младший брат должен был жениться на вдове умершего старшего брата [7]: по описанию В.Серошевского, аналогичный обычай бытовал и у якутов [Серошевский, с. 540]. Сравнимые тунгусо-маньчжурские и тюркские слова восходят к очень сходным архетипам, а объяснение сходств данных терминов как заимствований представляется нереальным. Сопоставление рассматриваемых ТР, несмотря на ограниченность материала, согласуется с известными социальными институтами, отмеченными и у тунгусо-маньчжурских народов, и по крайней мере у одного из тюркских народов. Семантическая корреспонденция "жена — старшая невестка (жена старшего брата)" отмечена также в следующем гнезде слов: эвенк. *аси* — 'женщина', эвен. *аси*, ороц. *аса*, уд. *аһанта*, ульч. *аси*, нан. *аси* — 'женщина', ма. *аша* — 'жена старшего брата, невестка' [29, т.1, с.55аб] — при этом слово *аси* с притяжательными суффиксами в большинстве тунгусо-маньчжурских языков имеет значение 'жена'.

16. Т.-ма. **к᠋ᠣᠭᠢэн* < ***к᠋ᠣᠭᠢ*, , тюрк. *кҮҮй* < ***к᠋ᠣᠭᠢ* ★*й* .

В тунгусо-маньчжурских языках термин, обозначающий невестку — жену сына или младшего брата, имеет ограниченное распространение — ср. эвенк. *кукин* —

‘жена сына, жена младшего брата’, сол. *хули* — ‘невестка’, эвен. *кᠡᠵᠡᠨ*, нег. *кухин* — ‘жена сына, жена младшего брата’ [29, т.1, с.425б]. Однако весьма возможно, что в данное гнездо необходимо включить и маньчжурское *ihen* — ‘жена младшего брата’ [18], не отмеченное сравнительным словарем, и тогда общетунгусо-маньчжурский статус этой лексической единицы уже не может оспариваться.

Монгольские параллели к этому тунгусо-маньчжурскому слову не найдены. Однако его можно сравнить с редким для тюркских языков, но зафиксированным в тувинском языке словом *кҮҮй* — ‘тетя, жена дяди — брата матери’ (не указан возраст!). Как нами было показано [4; 5], конечный согласный —*н* в тунгусо-маньчжурских языках может восходить к самым разным согласным, в том числе и к согласному —*й*. Долгий гласный в тувинском языке при отсутствии других данных вполне можно считать результатом контракции, так что данные слова в принципе можно свести к одному архетипу. Показательно, что оба сравниваемых слова обозначают родственниц по браку, а не кровных родственниц. Ср. также кирг. *куй* *ᠶᠦᠫᠦ* ‘младшие родственники’ [23, т. 2, стлб.1434], не имеющее явных параллелей среди тюркских ТР.

17. Т.-ма. **keli*, тюрк. **кели-н*.

Термин обозначающий мужчин, женатых на родных сестрах, в тунгусо-маньчжурских языках представлен такими примерами: эвенк, эвен, нег., ороц. *кэли*, ульч. орок. *кэли(н)*, нан. *кэли* — ‘свойки’, ма. *кэли* ‘свояк — муж старшей сестры жены’, ‘свойки вообще’, *хэхэ кэли* — ‘жены братьев по отношению друг к другу’ [29, т.1, с.446аб]. Данные маньчжурского языка, в особенности последнее словосочетание, исключительно важен для реконструкции семантики рассматриваемого термина, поскольку наряду с наименованиями лиц мужского пола этот термин может именовать и лиц женского пола.

Последнее обстоятельство позволяет сравнивать это слово с тюркским термином **келин*, чаще всего переводимым как ‘невестка’ (ср. др.-тюрк. *kelin* — ‘невеста, невестка’). Согласно словарю Э.В.Севортяна, это слово в тюркских языках имеет значения ‘невестка, жена сына или младшего брата, жена младшего брата по отношению к жене старшего брата (в башкирских диалектах), молодая женщина’ [26, с.17]. Совпадение значений терминов в маньчжурском языке и в башкирских диалектах при сходстве звукового облика терминов трудно объяснить случайностью и невозможно объяснить следствием контактов. Вместе с тем этимология тюркского слова **келин*, согласно которой это слово производится от глагола **кел-* — ‘приходить’, обсуждаемая Э.В.Севортяном, выглядит как народная этимология, поскольку конечный элемент —*ин* в ней не имеет объяснения. Приводимое в словаре Э.В.Севортяна шорское *кел-и* — ‘невестка’ служит примером того, как элементы фонетической структуры слова постепенно ассоциируются с грамматическими формантами (в данном случае с притяжательными суффиксами) и наглядно демонстрирует универсальную закономерность изменения морфологической структуры слова, известную под названием сокращения основ в пользу окончаний, или в терминах словообразования — переразложения. То же самое можно сказать о тувинской форме *кенни*, гагаузских вариантах *гелин* и *гелни*, восходящих к притяжательным формам 3 лица [22, с.63], и, очевидно, якутских *киниит* и *кийит* — ‘невестка’, которые являются уже морфологически производными от лексикализовавшихся притяжательных форм.

С точки зрения своего употребления термин с архетипом *кэли можно считать взаимным, причем он употребляется в разных языках и для Эм, и для Эж, в обоих случаях обозначая лицо одного пола с эго. Выше нами было отмечено, что в словаре В.В.Радлова зафиксирован татарский термин *абыз келин* — ‘старший брат по отношению к жене младшего брата’ Использование слова *келин* для обозначения родственника мужского пола хотя бы и в составе словосочетания для тюркских языков довольно неожиданно, однако в свете сравнения этого слова с тунгусо-маньчжурскими словами оно становится понятным.

18. Т.-ма. **bener*, мо. **bergen, beri*, тюрк. **балдыз*.

Тунгусо-маньчжурский термин * *bener* обозначает младших сиблингов супруга или супруги: эвенк. *бэнэр* — ‘шурин — брат жены, свояченица — младшая сестра жены’, эвен. *бэнэр* — ‘младший брат жены, младшая сестра жены, младший брат мужа, младшая сестра мужа’, нег. *бэнэ* — ‘младший брат/сестра жены’, ороц. *бэнэ* — ‘шурин — младший брат жены, младшая сестра жены, муж младшей сестры жены’, уд. *бэнэ* — ‘младший брат жены’, ульч. *бэнэли, бэнэр* — ‘младший брат жены’, нан. *бэнэр* — ‘младший двоюродный брат жены, племянник’ [29, т.1, с.125б], где приведено и корейское *мйэныри* — ‘невестка’. Возможно, что сюда же каким-либо образом относится и маньчжурское *теуе* — ‘муж младшей сестры, муж младшей сестры жены’ [29, т.1, с.565а]. Стоит отметить, что нанайское *бэнэр* в значении ‘племянник’, отмеченное двуязычными словарями [20, с.29], пропущено в наиболее полном нанайско-русском словаре С.Н. Оненко [17], где слова со значением ‘племянник’ нет вовсе.

В монгольских языках среди терминов свойства имеются термины *bergen* — ‘невестка жена старшего брата’, и *beri* — ‘невестка, жена сына, жена младшего брата’. Хотя морфологическая структура этих слов неясна, можно полагать, что они имеют единый корень.

В тюркских языках представлена лексема **ба:лдыз* [25, с.53-54], которая имеет значение ‘свояченица, младшая сестра, золовка, шурин зять, младшая родственница, младшая тетка жены’, ‘младшая жена тестя (телеуты)’. На членимость данного слова указывают приводимые Э.В.Севортьяном тур. *balnene* — ‘прабабушка’, *balnine* — ‘бабушка по матери и отцу’, а также образования с архетипом **бал-тыр* [25, с.54]. Показательно, что в тюркских языках, как и в тунгусо-маньчжурских, рассматриваемые термины обозначают лиц как мужского, так и женского пола.

В общем при неясностях относительно морфологического состава с некоторой неуверенностью приведенные выше слова можно производить от одного корня со значением младшего свойственника независимо от пола. Подобные значения сохраняются в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках, в монгольских языках производные от этого предположительно восстанавливаемого корня приобрели значение женского пола, но значение младшего возраста оказалось нейтральным. Суффиксальные элементы, вычленяемые в приведенных выше словах, могут отождествляться с суффиксами собирательной множественности, что становится понятным и не вызывает особых сомнений с учетом того, что данные термины употребляются как для Эм, так и для Эж и не различают признака пола обозначаемых лиц (для тюркских языков в реконструкции, для тунгусо-маньчжурских — в современном состоянии).

19. Мо. **xadum*, тюрк. **ка@ын*.

Данный термин обозначает и в монгольских, и в тюркских языках родителей супругов эго — ср. п.-мо. *xadum*, мо. хадам — ‘родня по мужу, жене’ и др.-тюрк.

qadin — ‘отец жены, тесть’, а также участвует в образовании многочисленных составных терминов. Хотя А.М.Щербак считает этот термин заимствованием из тюркских языков в монгольские [33, с. 38], надо признать, что то, что в какой-то одной группе языков это слово может быть заимствованием из другой группы языков, трудно доказуемо, какое бы направление заимствования ни предполагалось. Хантыйское *ханнэм, каннэм*, обозначающее родственников по браку [13, с. 272, 273], скорее указывает на урало-алтайскую древность данного слова, нежели является заимствованием из тюркских языков слова *qadin* в притяжательной форме 1 лица единственного числа из какого-то языка типа якутского, в котором имела место ассимиляция согласных при образовании притяжательных форм.

20. Т.-ма. ***бэзэ* > **и-*+**бэзэ* > **ибзэ*, мо. **baza*, тюрк. **ба:жа*.

Слово со значением “свояк”, “зять, муж сестры”, встречающееся в некоторых тунгусо-маньчжурских языках — ср. эвенк. *база* — ‘свояк, зять муж младшей сестры’ [29, т.1, с.63б], авторами [29] считается заимствованием и сравнивается с мо. *баз*, мн. *базаалин*, бур. *базаалин(г)*, як. *бадьа* “невестка” — ‘жена младшего брата мужа, жена племянника’ [29, т.1, с.63б]. В свою очередь и п.-мо. *baza* с единообразными соответствиями ‘свояк, свояки, мужья сестер’, калм. *базы*, ст.-калм. *baza* — ‘свояки, мужчины, женатые на сестрах’, ‘женщины — жены братьев по отношению друг к другу’. сравнивается с тюркским **ба:жа* — ‘свояк, деверь, шури, младший деверь, зять, брат жены, жены братьев по отношению друг к другу’ [Севортян, 2, 24-25].

Изучение исторической морфологии тунгусо-маньчжурских языков, конкретно — выявление элементов наиболее архаического слоя морфологии языков позволяет найти еще одну параллель данному слову в тунгусо-маньчжурских языках. Это слова эвенк. *ибзэ* — ‘родственник по свойству, зять, родня по свойству, племянник’, *ивзэн* — ‘вся родня’, эвен. *ибзири бэй* — ‘родственник’ [29, т. 1, с.295а]. Весьма возможно, что начальное *и-* в этом слове является древним личным местоимением 3 лица единственного числа, сохранившимся в маньчжурском языке в виде *и* — ‘он’, и выступающем в архетипе данного слова в функции possessивного показателя, точнее, части possessивного оборота. Семантика всех рассматриваемых слов не препятствует их сравнению.

Очевидно, при дальнейшем изучении истории слов, входящих в данное гнездо и имеющих аналогичные значения, надо будет иметь в виду то, что значение данного термина может выходить за пределы собственно родства по браку и охватывать “искусственное свойство”: якутский термин *биллэх*, помимо значения “свояки” имеет также значение ‘сожитель по отношению к мужу и наоборот’, ‘соперник, совместник (по жене)’, ‘каждая из жен одного и того же лица по отношению друг к другу’ [19, стлб. 469]. Чукотское название “товарищей по жене” *Эвтумгыт* содержит корень *Эв-/Оав-* — ‘женщина’. В связи с этим вполне возможно, что тюркские слова с архетипом **бажы* все же как-то связаны с этим словом, а квантитативные различия гласных в корнях **бажы* и **ба:жа* могут быть связаны с различной историей данных слов в тюркских языках. Значения якутского слова *биллэх*, указанные выше, позволяют считать загадочный юкагирский термин *саабийэ*, снабженный пометой “непереводимое” и имеющий значение “один из двух мужчин, живущих как муж с одной женщиной” [12, с.247], заимствованным русским словом *свояк* с его переносным значением. Полиандрия у юкагиров на самом деле как будто бы не отмечена источниками; что же касается “искусственного свойства” (т.е. постоянных внебрачных связей,

участники которых получают языковую номинацию), то это явление, как нетрудно понять, универсально.

21. Ма. *баша*, мо. *basagan*, тюрк. **башы*.

В словаре Э.В.Севортыяна приводится сводка тюркских слов с архетипом **башы* и значениями — ‘сестра (редко ‘старшая сестра’), ‘мать (в детской речи)’ [25, с.25-26]. Это слово Э.В.Севортыян сравнивает п.-мо. *basagan*, мо. *бацган*, бур. *басаган* — ‘девочка, дочь’, маньч. *баша* — ‘свояченица (младшая сестра жены)’. Последнее слово авторы [29] считают заимствованием из монгольских языков. Однако монгольское *basagan* само по себе данного значения не имеет — словарями зафиксировано и в [29] приведено лишь бурятское *хадам дүү басаган* — ‘свояченица, младшая сестра мужа’, что дословно переводимо как ‘девочка — младшая сестра родственника по браку’, и это не дает оснований для сдвига значений при заимствовании. Как бы ни интерпретировать маньчжурское слово — как заимствование или как тунгусо-маньчжуро-монгольский архаизм, можно вслед за Э.В.Севортыяном считать эту лексему по крайней мере тюрко-монгольской. Складывается впечатление (и в этом Э.В.Севортыян прав), что в состав тюркских ТР она вошла достаточно поздно. Видимо, первоначальное значение ее сохранено в качестве половозрастного наименования лица в монгольских языках.

22. Мо. *bo* ★*le*, тюрк. **б* ⊕*ле*.

Согласно материалам словаря Э.В.Севортыяна, тюркский термин с архетипом **б* ⊕*ле* имеет такие значения: ‘дети двух родных сестер со стороны матери, дети тетки со стороны матери, сын тетки — старшей сестры отца, сын тетки, сын дяди по отцу, дети братьев, племянник, тетка со стороны матери или отца, жена брата или дяди, жена старшего брата’, ‘дядя со стороны матери’, ‘дядя со стороны отца’. Данный термин сравнивается с п.-мо. *bo* ★*le*, мо. *бУл*, бур. *бУлэ* — ‘двоюродные братья или сестры — дети двух сестер, жена брата или дяди’ [25, с.217-219]. Обсуждая производные формы *б* ⊕*лешер*, *бУлешер*, зафиксированные в ногайском и башкирском языках, Э.В.Севортыян справедливо отмечает сходство суффикса, оформляющие эти слова с бурятским суффиксом —*сар* [25, с.218], однако здесь он не учитывает того, что в монгольском языке этот суффикс имеет вид —*нцар/-нцэр*, а формальное тождество морфологических элементов ногайского и башкирского с видом соответствующего суффикса в бурятском языке обусловлено случайностью, конкретно — сходной фонетической эволюцией соответствующих согласных. Л.А. Покровская считает тюркский термин *б* ⊕*ле* монголизмом [22, с. 53], что в принципе возможно, однако это не освобождает от необходимости разбирать его семантическую историю в тюркских языках.

Наиболее архаическим значением этого слова в тюркских языках, является, видимо, значение — ‘двоюродные братья/сестры — дети сестер’. Из данного значения выводимы значения ‘сын дяди по отцу (дядя по отцу может быть женат на родной сестре матери)’, ‘дети братьев (если братья женаты на родных сестрах)’, ‘сын старшей сестры отца’ (сестра отца может быть замужем за братом матери), ‘племянник (сын младшей сестры отца или матери при скошенном счете поколений)’, иные значения в принципе укладываются в традиционный круг брачных связей при кросс-кузенном браке или сорорате. Возможно, что исходное значение данного термина может быть уточнено — это ‘двоюродные братья и сестры — дети сестер, не вступившие в брак’, поскольку ТР боковой линии и

второй и последующих степеней родства в отдельных группах алтайских языков обычно пересекаются с терминами свойства и поглощаются ими в такой мере, что наименования двоюродных братьев и сестер — детей братьев в тюркских языках отсутствуют, в монгольских языках (это термины с компонентом *Yje*) представляются довольно поздними, а в тунгусо-маньчжурских языках вообще нет единых наименований двоюродных братьев и сестер.

Э.В.Севортян, сравнивая тюркские и монгольские слова, привлекает эвенкийское *булэ* — 'семья', которое считается монголизмом [29, т.1, с.218а], и высказывает предположение, что монгольские слова *bo +le* — 'двоюродные братья' и *bu +le* — 'семья' могут восходить к одному архетипу. Нам эта гипотеза представляется достаточно спорной. Несмотря на то, что тунгусо-маньчжурские параллели для этого слова практически отсутствуют (эвенское *bullin* — 'брат' в материалах Я.И.Линденау можно не принимать в расчет, оно наверняка заимствовано из якутского языка), рассматриваемую лексику также можно считать тюрко-монгольской.

Семантическая история общеалтайских ТР. Адекватность групповой семантической реконструкции лексики имеет в качестве одного из средств верификации этой реконструкции непротиворечивое описание истории терминов по отдельным группам языков. Попробуем применить эту процедуру к описываемому материалу.

В материале имеются три группы случаев. Это слова, выступающие только как термины кровного родства, слова, выступающие как термины кровного родства и как термины свойства, и, наконец, слова, выступающие исключительно в роли терминов свойства.

I. Термины кровного родства. В основном различия в значении этих терминов дифференцируются по возрасту относительно эго или по поколению. Вероятно, расхождения в значениях терминов кровного родства обусловлены распадом некогда единой системы возрастных классов, существование которой в качестве основы для СТР алтайских народов предполагалось уже в начале XX в.

II. Термины кровного родства и свойства. При приоритете значений терминов кровного родства значения терминов свойства являются исторически вторичными и отражают совершенно определенные брачные нормы. Причем тот факт, что отдельные переносы наименований кровных родственников на отношения родства по браку отражают хорошо известные социальные институты, а именно, кросс-кузенный брак, сорорат и в одном случае — левират, которые, во-первых, сами по себе являются объектом исследований в науке о родстве, во-вторых, совершенно невыводимы из случайных сближений слов, уже является надежным основанием для признания выполняемой реконструкции и адекватной, и соотносимой с этнической и социальной реальностью.

Исключением из этого правила является, пожалуй, только история только одного термина: если тунгусо-маньчжурское **да-* сохраняет взаимное значение 'сваты', то дальнейшая эволюция его мыслится как конкретизация 'родственники жены по отношению к родственникам мужа (но уже не наоборот)', а последовавшая за этим определенность терминов по полу индивида и поколению зафиксировала за тюркским **да:йы* (по Севортяну) значение 'дядя по матери'.

III. Термины свойства. Здесь почти во всех случаях имеет место сужение значений отдельных слов от обобщенного класса до наименований отдельных индивидов, классифицируемых по полу, относительному возрасту или возрасту альтера и поколению. Такой представляется эволюция тунгусо-маньчжурских

терминов **avus*, за которым закрепились "мужские" значения, и монгольского *abisun*, обобщившего "женские" значения с сохранением реликтов параметра возраста, и тюркского *абызы*, в котором сохраняются и "мужские", и "женские" значения. Сходной выглядит история тунгусо-маньчжурского термина *кэли, в котором "мужские" и "женские" значения имеют тенденцию к распределению по отдельным языкам. В тюркских языках это слово безоговорочно доминирует в значении "невестка", которое по отношению к значению тунгусо-маньчжурских слов сужено и по полу, и по поколению. При этом собственные наименования невесток в тунгусо-маньчжурских языках, похоже, зафиксированные как находящиеся на грани утраты они уже (именно "уже", поскольку в маньчжурском и ряде тунгусских языков мы имеем дело с заведомыми инновациями, имеющими разную историю!) не являются общетунгусо-маньчжурскими, а в монгольских языках, видимо, происходят из более древнего обобщенного наименования младших свойственников. Хотелось бы отметить, что хотя само по себе сближение терминов *бэнэр*, *bergen/beri* и *балдыз* фонетически выглядит крайне сомнительным и морфологическая структура этих слов неясна, семантическая раскладка их предполагаемой истории выглядит безупречной: в тюркских языках у термина *балдыз* сохранено значение младшего возраста, а значение пола, как и в монгольских языках, сужено до наименования женщин.

Морфологические особенности алтайских терминов родства. Собственно говоря, исследуемый материал имеет три аспекта изучения в отношении морфологии — это морфологическая, точнее, словообразовательная структура отдельных ТР на уровне групповых реконструкций, роль притяжательных суффиксов в истории ТР и проблема генезиса сингармонических пар типа ака/еке.

С точки зрения словообразования представляют несомненный интерес такие производные, как нан. *амин* — 'отец', *амха*, *амаха*, *ан"на* (<*ам-н"а) — 'свекор, деверь — старший брат мужа, тесть, шурин — старший брат жены', ма. *ама* — 'отец', *амака* — 'свекор', *амха* — 'тесть' [29, т.1, с.34б-25а]. Любопытно, что маньчжурский язык не только дает производные от основы, в чистом виде имеющей значение 'отец', но и дифференцирует производные со значением 'тесть' и 'свекор', которые не различаются в нанайском языке, где дифференциация наименований свойственников выражена лишь отчасти и завуалирована диалектными различиями фонетического характера. То же можно сказать и о разном оформлении производных от корня эти: в маньчжурском языке: *эсхэн*, *эчигэ*, *эчикэ* — 'дядя — младший брат отца' [29, т.2, с.469б], где причина разного оформления слов связана, очевидно, с консервированием одновременных произносительных вариантов в письменном маньчжурском языке.

Представляет несомненный интерес и следующий маньчжурский словообразовательный ряд: ма. *амбу* — 'тетка — старшая сестра матери, амбума муж старшей сестры матери', *амзи* — 'дядя — старший брат отца, аму невестка, жена старшего брата' [29, т.1, с.37б]. Корень этого слова отождествляется с корнем слова *амин* — 'отец'. Суффиксальный элемент —бу, возможно, восходит здесь к самостоятельной лексической единице, сохранившейся в тунгусских языках и составляющей лексический раритет — эвенк. *ха:* — 'родственник, сородич', эвен. *ха:ни* — 'родственник кровный', уд. *ха* — 'родной брат, сестра', ульч. *па(г)* — 'родственник', орок. *по:* — 'родственник' [29, т.2, с.306б]. Это слово не зафиксировано в маньчжурском языке, и вполне могло быть признано в лучшем случае общетунгусским, однако если предполагать, что оно в некоторых

производных превратилось в суффикс, то его придется считать не только не общетунгусским, но архаическим уже даже для общетунгусо-маньчжурского состояния. Очевидно, эта лексическая единица принимала участие в оформлении составных производных ТР и превратилась в суффикс, который в настоящее время выделяется с большим трудом, а в большей части ТР не идентифицируется вовсе и о его присутствии в некоторых словах можно лишь догадываться. Если наша догадка верна, то все без исключения тюркские ТР с финальной частью —*na* (для тунгусо-маньчжурских и монгольских языков такие ТР нетипичны) можно рассматривать как производные, содержащие данный суффикс: согласный, предшествующий этому суффиксу должен был утратиться еще в пратюркском состоянии, то есть **aba/ana//эбэ/энэ* < **ам-ба/эн'-нэ*, или **эм-нэ*. Если считать, что корень **aba/ana* восходит к *ам-на*, а корень **эбэ/энэ* восходит к **эн'-нэ*, в таком случае сингармоническая пара *aba/ana//эбэ/энэ* будет результатом фонетического сближения изначально разных лексических единиц с разными корнями.

В том, что касается интригующего сюжета о происхождении сингармонических пар ТР типа *ака-экэ*, *ама /эмэ* (правда, последняя форма корня в подавляющем большинстве известных примеров стоит вне ТР) и других примеров такого типа (они собраны В.И.Цинциус [32]), здесь можно сформулировать следующее предположение. Нам приходилось указывать, что а/огласовка не связана с мужским полом, а э/ огласовка с женским полом — ср. эвен. *акан* — ‘старший брат’ // *экэн* — ‘старшая сестра’, но *этикэн* — ‘старик’ // *атикан* — ‘старуха’, и таким образом, сингармонические пары имеют не маркирующую, а дистинктивную функцию. При этом маньчжурские формы типа *эрсэлэн* — ‘львица’ или *нэкчу* — ‘жена старшего или младшего брата матери’ являются заведомо вторичными, появившимися в маньчжурском языке по аналогии с другими словами, и таким образом процесс дифференциации ТР по полу за счет разной огласовки нельзя признать ни символическим по природе, ни абсолютно древним по времени протекания.

Относительно происхождения парных сингармонических вариантов ТР в алтайских языках, как представляется, может быть высказана следующая гипотеза, основывающаяся на возможных древних ареальных контактах алтайских языков с некоторыми языками Дальнего Востока, генетические связи которых значительно менее определены, нежели связи между алтайскими языками. В айнском языке существует серия префиксальных показателей принадлежности 1, 2, и 3 лица, которые выражаются соответственно гласными *a-*, *э-*, и *и-*. Нам приходилось отмечать, что possessивные грамматические показатели играют исключительную роль в динамике морфологической структуры ТР алтайских языков. Суть высказываемой гипотезы заключается в следующем: сингармонические пары ТР, различающиеся по а- огласовке и э- огласовке, восходят к разным лично-притяжательным формам одних и тех же ТР (если сравнивать наш материал с фактами айнского языка, это будут формы 1 и 2 лица с *a-* и *э-* показателями). При этом то обстоятельство, что между огласовкой и семантическим признаком пола нет четкой корреляции, легко объяснимо: при вращении префиксальных possessивных показателей в морфологическую структуру слова дифференциация различающихся форм по полу невозможна, в особенности для терминов кровного родства, для которых различение Эм и Эж не характерно. Похоже, что общеалтайские термины родства, начинающиеся с гласных *a* и *э* и имеющие тенденцию к образованию семантических пар, появились у древних алтайцев в

силу того, что их язык входил в языковой союз с каким-то языком Восточной Азии, генетически или типологически близким к айнскому. Данная гипотеза в какой-то мере соотносится с предположением об исторически префиксальном характере гласного *и*- по крайней мере в одном из тунгусо-маньчжурских ТР, связанном с выражением possessивных отношений.

Интересный материал для синтаксической реконструкции дают некоторые составные ТР, утраченные тунгусо-маньчжурскими языками, но попавшие некогда в юкагирский язык (их исконность для юкагирского языка представляется сомнительной даже на лексическом уровне): Это удвоенный ТР ср. юкагир *амаа* — ‘отец’, *амаа-амаа* — ‘прадед’ [12, с.26] (при ожидаемом “дед”). Удвоение ТР и образование составных ТР для юкагирского языка не настолько характерно, чтобы данное образование можно было считать исконно юкагирским, да и сама лексема со значением “отец” похожа на тунгусское заимствование. Если рассматривать удвоение как частную разновидность притяжательной конструкции типа “отец отца”, то окажется, что перед нами та самая архаичная разновидность притяжательных конструкций, которая сохранена в тюркских языках в виде изафета I, но полностью утрачена в тунгусо-маньчжурских языках.

Любопытный пример для морфологического анализа представляют собой производные термины искусственного родства в эвенкийском и эвенском языках, ср. эвенк. *амиран* — ‘отчим’, *энирэн* — ‘мачеха’, *хутэрэн* — ‘пасынок/падчерица’, эвен. *амрани*, *эньрэни* и *хурсэни* (<**хутэ-рэни*) соответственно. Эти термины образованы от слов “отец”, “мать”, “сын/дочь” посредством специального суффикса. Но эвенкийская и эвенская формы этого суффикса —*ран/-рэн* и —*рани/-рэни* (в варианте —*сэни* ассимилирован начальный согласный), различающиеся отсутствием конечного гласного *и* и его наличием, фонетически несводимы друг к другу (теоретически между эвенкийским и эвенским языками ожидалось бы как раз обратное соотношение этих форм). Появление конечного гласного —*и*, причем очевидно, исторически долгого (краткий гласный *и* в эвенском языке в конце слова должен был отпасть или измениться в широкий гласный) может быть объяснено только тем, что этот гласный представляет собой особый суффиксальный элемент. Но какой же суффикс может находиться в абсолютном конце слов, входящих в состав ТР, и при этом может появиться в одном языке, но отсутствовать в другом, близко родственном? Остается предполагать одно: конечный гласный *и* в составе этого суффикса является древним реликтовым possessивным показателем 3 лица единственного числа. Современные притяжательные формы типа эвенк. *амиран-ин* и эвен. *амрани-н* — ‘его/ее отчим’ весьма похожи, однако морфологическая граница между словообразовательным суффиксом и современным лично-притяжательным суффиксом, как видно из примеров, проходит в разных местах словоформ. Этот реликтовый possessивный суффикс —*и*, сохранившийся в эвенских формах, очевидно, соотносится исторически с личным местоимением 3 лица единственного числа **и* — ‘он’, сохранившемся в маньчжурском языке, но замененном в тунгусских языках местоимением *нун* ‘ан, *нон* ‘ан — ‘он’. Самое же интересное заключается в том, что восстановленный таким образом архаический, реликтовый possessивный суффикс 3 лица ед. числа —*и* полностью совпадает с тюркским possessивным суффиксом 3 лица ед. и мн. числа —*и*.

Конечный гласный *и* в тюркских ТР в ряде случаев ассоциируется с тем же самым possessивным суффиксом —*и*, что приводит к переосмыслению морфологической структуры ТР, ср. егеч старшая сестра при ожидаемом егечи (и

монгольском *egesi*, где нет притяжательных суффиксов и нет возможности для таких морфологических ассоциаций), также алтайское *jurчы* при древнетюркском *jurc*, ср. шорское *кел-и* — ‘невестка’, гагаузское *келн-и* при наиболее распространенной в тюркских языках форме *kelin*. Здесь усматриваются две тенденции — с одной стороны омертвление притяжательного суффикса и вхождение его в состав основы слова, с другой стороны, осмысление конечных комплексов фонем как притяжательных суффиксов и вследствие этого —усечение основы слова.

Некоторые соображения о реконструкции возрастных классов. Очевидно, первоначальная система родства древних алтайцев — общих предков тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских народов, а также корейцев и японцев представляла собой систему возрастных классов. Данное утверждение не будет чем-то принципиально новым — сходные мысли высказывал еще в первой четверти XX века С.М.Широкогоров. Однако предложенное им обобщение возрастных классов в СР тунгусо-маньчжурских народов не подтверждается лингвистическим материалом не только на общетунгусо-маньчжурском уровне, но и на материале эвенкийского языка. Из терминов, обозначающих возрастные классы по С.М.Широкогорову, с общетунгусо-маньчжурскими лексическими единицами идентифицируется только термин *омоло*, относящийся к 2 классу младше эго, и термин *ама*, относящийся к 2 классу младше эго [34, с. 75 указателя]; при этом термин для 3 класса младше эго *домончо* имеет явно монгольский суффикс названий потомков —*нцар/-нцэр* (большинство терминов возрастных классов, приводимых С.М.Широкогоровым, не подтверждается даже более обширными материалами по эвенкийской диалектологии, не говоря уже о фактах других тунгусских языков или маньчжурского языка. Тем не менее изученные материалы по СТР тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских народов позволяют в виде рабочей гипотезы предложить следующую реконструкцию системы возрастных классов в общеалтайской СР:

	Поко- ление	Обозначение возрастного класса	пол	
			мужчины	женщины
старше эго	+1/+2	*eti-/ati-	*eti-	*ati
	0/+1	*ama/*eme *en’-/an’- (aj)-	*ama/*eme	*en’-(ej)-/an’- (aj)-
	0	*eke/aka	*aka	*eke
младше эго	0/-1	*deku (neku-n)	*deku (neku-n)	
	0/-1	*in-	*in-	

Иерархия возрастных классов, представленная в таблице, выстроена на основании анализа семантики терминов, проанализированных в настоящей работе, с учетом диахронической перспективы диапазона значений отдельных терминов.

Признак поколения, представленный в таблице, имеет переменную величину и фактически варьирует в определенном возрастном диапазоне. Признак пола, строго говоря, различается только в +1 поколении, где налицо лексическое

противопоставление Рм и Рж — отец и мать, и в 0 поколении для старших сиблингов. Признак пола для младших сиблингов не реконструируется: специализированные термины для обозначения младших сиблингов или потомков типа эвенкийского *хунат* — ‘дочь или незамужняя младшая сестра’, или тюркского *sinil* — ‘младшая сестра’, очевидно, представляют собой довольно позднее явление, и в их семантической структуре существенным признаком является не признак относительного возраста (или поколения), а признак пола и социального положения.

Система возрастных классов в качестве основного фактора, определяющего ее истоическую динамику, имеет, очевидно, противопоставление двух систем отсчета возраста. Первая система отсчета возраста — социоцентрическая, в которой существует только счет абсолютного возраста: "старшие" и "младшие" относительного возраста, куда, очевидно, в силу определенного социального положения добавляется класс со сниженным статусом "самые старшие и самые младшие". Вторая система счета — эгоцентрическая: в ней возрастные классы определяются по отношению к эго. Здесь в качестве дифференцирующих признаков могут быть представлены абсолютный возраст по отношению к эго, а также возраст альтера — как раз такая система, в которой роль признака поколения еще весьма невыразительна (друг другу противопоставлены только родители и дети), формирует СР со скошенным счетом поколений.

Относительно формирования терминов свойства можно в отдельных группах алтайских языков заметить следующее. Одна из возможностей образования терминов свойства — это произведение их от терминов кровного родства посредством словообразовательных суффиксов типа эвенкого с *этэ* — ‘дед’ и *этки* — ‘свекор, тесть’ (соотносительное с последним значение ‘отец’ у данного корня в тунгусо-маньчжурских языках утрачено и сохранилось лишь в монгольских языках. Вторая возможность образования терминов свойства — это переосмысление значений терминов кровного родства в рамках определенных типов брачных связей — кросс-кузенного брака, левирата, сорората. Наконец, третья возможность для образования терминов свойства, которая является источником инноваций в данной подсистеме СТР, а именно: формирования частных подчлентем терминов свойства и еще один источник лексических инноваций как внутри СТР отдельных языков, так и за пределами СТР — это изменение значений отдельных терминов свойства от общего (наименования класса свойственников) к частному (фиксация в семантической структуре термина значений пола и возраста альтера, пола и возраста коннектора, пола эго и других признаков конкретизирующих семантику отдельных терминов свойства). При этом отдельные лексические единицы, служившие некогда наименованием класса свойственников, могут выпадать из СТР и функционировать в дальнейшем как этнические апеллятивы: примером может служить этимология тюркского этнонима печенеги, сравнимого с тюркским *basanaq* — ‘своак’, или этимология эвенского названия юкагиров *булэр*, ед. ч, *булэн* (также ‘враг’), сравнимое с юкагирским *пулийэ* — ‘зять, муж старшей сестры, муж младшей сестры отца’.

Заключительные замечания. Тунгусо-маньчжурские, монгольские и тюркские ТР в отдельных конкретных языках различаются по своим значениям. Обобщение значений ТР по отдельным языкам позволяет осуществить семантическую реконструкцию ТР на уровне языковых групп и установить наиболее архаические значения отдельных ТР, приближаясь к реконструкции общетунгусо-маньчжурской и общетюркской СТР (общемонгольская СТР по

отдельным языкам почти не изменилась по сравнению с исходным состоянием). Дальнейшее сравнение отдельных ТР на уровне формы и содержания дает основания проследить отдельные фрагменты восстанавливаемой общеалтайской СТР. Основанием для подтверждения реконструкции отдельных элементов общеалтайской СТР является соотнесенность значений ряда терминов в синхронии и в исторической перспективе с теми социальными институтами и формами брачных отношений, которые были характерны народов алтайской семьи в этнографической реальности, а именно, кросс-кузенным браком, левиратом и сороратом.

В настоящей работе основное внимание автора было сосредоточено на семантической проблематике реконструкций частных СТР (тунгусо-маньчжурской и в какой-то мере тюркской), на оценке перспективы реконструкции общеалтайской СТР в семантическом плане, и лишь отчасти предметом рассмотрения в ней стали корневые элементы и словообразовательные суффиксы. Бесспорно, данная работа не исчерпывает все сюжеты истории ТР тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков — она служит лишь своего рода введением в проблематику исследования ТР алтайских народов в исторической перспективе на новом этапе осмысления материала.

Литература

1. *Бурыкин А.А.* Какая реальность наблюдается исследователями при описании систем терминов родства? //Наст. изд.
2. *Бурыкин А.А.* Семантическая структура терминов родства и свойства в эвенском языке //АР-2.
3. *Бурыкин А.А.* Термины родства как объект лингвистического анализа (круг проблем и аспекты исследования) //АР-2.
4. *Бурыкин А.А.* О месте тунгусо-маньчжурских языков в алтаистических исследованиях //Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы международной конференции. М., 2000.
5. *Бурыкин А.А.* Роль монгольских языков для алтаистических исследований //История развития монгольских языков. Улан-Удэ, 1999.
6. *Бурыкин А.А.* Соотношение линейной фонологической структуры слова в алтайских языках// Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII. СПб., изд. СПбГУ, 2001.
7. *Бурыкин А.А., Булатова Н.Я.* Система терминов родства эвенков (Предварительные материалы к описанию) //АР-3.
8. *Бурыкин А.А., Летягина Н.И.* Система терминов родства тувинцев (в сравнении с терминами родства других тюркских народов Южной Сибири) // АР-4.
9. *Викторова Л.Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
10. *Гирфанова А.Х.* Удэгейская терминология родства //Наст. изд.
11. *Дзибель Г.В.* К теории и методике иденетической реконструкции протосистем терминов родства // Наст. изд.
12. *Курилов Г.Н.* Юкагирско-русский словарь. Якутск, 1990.
13. *Мартынова Е.П.* Материалы по терминам родства и свойства хантов //АР-1.
14. *Номинханов Ц.-Д.* Термины родства в тюркских и монгольских языках //Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Вып. 1. Алма-Ата, 1958.

15. *Номинханов Ц.-Д.* Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975.
16. *Омакаева Э.У., Бурькин А.А.* Система терминов родства и свойства у калмыков //АР-4.
17. *Оненко С.Н.* Нанайско-русский словарь. М., 1980.
18. *Пан Т.А.* Система терминов родства маньчжур //Наст. изд.
19. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. СПб., 1907 — Л., 1929.
20. *Петрова Т.И.* Нанайско-русский словарь. Л., 1960.
21. *Покровская Л.А.* Гагаузские термины родства// АР-1.
22. *Покровская Л.А.* Термины родства в тюркских языках //Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
23. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т-1-4. СПб., 1888-1911.
24. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
25. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву “Б”. М., 1978.
26. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы “В”, “Г”, “Д”. М., 1980;
27. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы Ж, Ъ, Й. М., 1989.
28. *Серовский В.* Якуты. М., 1993.
29. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т.1-2. Л., 1975, 1977.
30. *Тадина Н.А.* Система терминов родства и этикетные нормы обращения у алтайцев // АР-4.
31. Хакасско-русский словарь. М., 1954.
32. *Цинциус В.И.* К этимологии алтайских терминов родства //Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.
33. *Щербак А.М.* Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб., 1997.
34. *Shirokogoroff S.M.* A Tungus Dictionary. Tokyo, 1944.